

ности попереюща пакже, какъ и ошъ недо-
спашка упражненія. *Ничего слишкомъ*: вопшь усло-
віе и законъ всего полезнаго. Теплоша нужна для
сохраненія жизни въ шѣлѣ; но шеплоша, доведен-
ная до спенсии огня, смершельна для жизни.
Милонъ Кротонскій имѣлъ большую силу, носилъ
на плечахъ быка, и убиваль его кулакомъ сразу;
но захошѣвши разодрашь дерево, погибъ. Извѣст-
но, что *слишкомъ* ученые дѣши живеуть недолго;
Pico della Mirandola, чудо памяши, шпуда и
ученосши, кошорый, на 23-мъ году возраста сво-
его, показаль, съ дѣшскою хваспливоспью, и об-
ширносшь, и неосновашельносшь, своихъ знаній,
вызовомъ защищашь, пропивъ всѣхъ ученыхъ, из-
данныя имъ 900 предложеній *о всѣхъ предметахъ*
наукъ (de omni re scibili), умеръ 23-хъ лѣшь, въ
дрихлосши.

Несоразмѣрносшь упражненій съ силами уп-
ражняющагоса можно раздѣлшшь на два рода: 1)
на чрезмѣрно продолжшпельное упражненіе, и 2)
на чрезмѣрно тяжелое. И шѣ и другое излише-
спшо почши одинаково вредны.

Теперь приложимъ къ наукамъ собшвенно
шѣ, чшѣ говорили здѣсь о воспитаніи вообще.
Очевидно, что наиполезнѣшшія свѣдѣнія для лич-
наго умспвеннаго воспитанія будущъ шѣ, кошпо-

рыя опвѣчаютъ возрасту учащагося, т. е. тѣлеснымъ и душевнымъ его способностямъ.

Такимъ образомъ (чтобъ объяснить примѣромъ) опвѣчаетъ юношескому возрасту, изъ естествознанія, геологія практическими своими геогнозированіями. Сей возрастъ не только пребуешь, какъ дѣтскій, тѣлеснаго движенія, изощренія чувствъ и памяти, но еще большаго упражненія самой души. Для дѣятельности юноши не довольно экскурсій въ видѣ прогулокъ; ему нужны онѣ съ препятствіями, копорыя должно побѣдиль, съ опасностями, на копорыя должно рѣшилься, съ лишеніями разнаго рода удовольствій, копорыя надобно презрѣль. Этого пребуешь душа его, созрѣвшая къ сильнымъ впечатлѣніямъ, къ возвышеннымъ намѣреніямъ; этого она пребуешь, чтобы приготоилься для полнаго развитія тѣла, ума и воли ея. Сіи препятствія, сіи опасности, сіи лишенія, при тѣлесномъ и умственномъ трудѣ, все это соединяелься въ геогностическихъ путешествіяхъ. Геогностъ, для успѣховъ своихъ, долженъ рѣшилься: спранствовать часто по непроложеннымъ дорогамъ, иногда безъ экипажа, даже безъ лошади; быть готовымъ встрѣииль дикаго звѣря или ядовитую змью; перпиль иногда жажду, иногда голодь, зной, или спужу; онъ долженъ посѣцать

подземныя пещеры — иногда онъ величественны и прекрасны, но иногда ужасны; — онъ долженъ иногда взбираться, по утесамъ, надъ пропастями, на неприспунныя почви мѣсца горъ, или опускашься въ жерла вулкановъ, дышащихъ сѣрною кислотою, смрадными испареніями. Но всѣ сіи шруды не оспаютъ безъ награды. Внутреннее сознаніе своей опважности и шертвннн, обогащеніе разума новыми понятіями, надежда сдѣлать полезныя опкрытія, и пріобрѣсти извѣстность или даже славу, чувствованія души въ то время, когда природа представляется передъ нею въ своемъ величїи, или ужасахъ; это великія наслажденія!

Заклучимъ: ипакъ въ систему ученія должны входить свѣдѣнія, *только отвѣчающія способностямъ учащагося*, а всѣ неопвѣчающія имъ должны быти исключены изъ нея.

2) Наиполезнѣйшія науки относительно отечества.

Мы сказали, что опечество соспоитъ въ идеѣ, развиваемой жизнью какаго либо народа. Раскроемъ мысль эту.

Человѣчество развивается посшепенно. Цель сего развитія есть достиженіе до возможнаго своего совершенства. Совершенство человѣчества должно соспоить, какъ можно вывесши

философически, въ помѣ, чпобѣ *умѣть произвольно*, т. е. по убѣжденію собственнаго его разума, *сдѣлаться* тѣмъ, чѣмъ predetermined ему *быть* свыше. Если разсмотримъ внимательнѣе слова: *умѣть произвольно*, то найдемъ, что сіи слова предполагаютъ разныя *испытанія*. Можно ли въ самой вещи, безъ разныхъ испытаній, *умѣть произвольно сдѣлаться* совершеннымъ? Слѣдовательно челоѣчество, въ развитіи своемъ, пышается, т. е. приводитъ въ исполненіе какую нибудь *идею* для достиженія своего совершенства. Оно пробуетъ разныя идеи, и будетъ пробовать ихъ до тѣхъ поръ, пока не достигнетъ до совершенства; тогда только, когда совершенство достигнуто, испытанія его кончатся, какъ уже ненужныя.

Хотя идеи, испытываемыя челоѣчествомъ, смѣняются, уступая мѣсто одиѣ другимъ: однако каждая изъ нихъ необходима; ибо каждая открываетъ часть истины, и приближаетъ челоѣчество къ высокой его цѣли.

Нужно ли замѣнить, что мы разсуждаемъ теперь не о такихъ идеяхъ, которыя развиваются въ головѣ или сердцѣ того или другаго челоѣка; но о такихъ, которыя никому не принадлежатъ исключительно, а принадлежатъ великимъ массамъ людей, обществу? Очень можетъ

случився, что никто изъ цѣлой массы или общества не будетъ имѣть никакого понятія о сей идеѣ, не смотря на то, что всѣ будутъ содѣйствовать ея развитію. Положимъ, что въ какомъ либо государствѣ должна исполниться идея сплавленія вмѣстѣ многихъ племенъ. Оно, для сего, должно быть, по необходимости, между прочимъ, воинственнымъ. Нужно ли каждому изъ членовъ сего государства знать сію идею, чтобъ умѣть ей содѣйствовать? Нѣтъ. Все необходимое для развитія этой идеи проникнетъ всюду въ такое государство, проникнетъ и въ законы, и въ нравы, и въ воспитаніе, словомъ во всѣ его составы; и однако никто, можетъ быть, не пойметъ этого.

Мы не беремъ на себя объяснять того, какимъ образомъ начинаются сіи *человѣчественныя* (*) идеи, какое ихъ оплечіе опъ идей лично-человѣческихъ, и шому подобнаго; скажемъ то одно, что тамъ только можетъ быть ощече-

(*) Просимъ читателя не смѣшивать употребляемое здѣсь слово *человѣчественный* съ словомъ *человѣческій*; первое относится къ челоѣку, второе къ челоѣчеству. Впрочемъ, следуя принятому употребленію, я полагаю иногда слово *человѣческій* въ смыслѣ *человѣчественный*.

ство, гдѣ развивается какая нибудь человѣчественная идея. Вотъ причина, почему не всякой народъ имѣеть свое собственное отечество. Если народъ не можетъ развивать особенной какой нибудь идеи въ пользу человечества; то онъ не можетъ составлять и отечества. Есть поэтому народы вовсе безъ отечества, какъ большая часть дикихъ племенъ: есть, напримеръ, племена, составляющія многія или разныя отечества; ибо въ нихъ развиваются многія или разныя идеи. Мы видимъ изъ этого важность отечества, и обязанность служить ему. Служа отечеству, мы служимъ самому человечеству.

Отечество существуетъ до тѣхъ поръ, пока существуетъ его идея; а существуетъ она до тѣхъ поръ, пока развивается. Какъ скоро разовьется вся, отечество прекращается; ибо источникъ его жизни, идея, изсякъ. Для него останется тогда одна жизнь, и въ своемъ родѣ безсмертная, въ испоріи. Народъ же или народы его, или, какъ сказать, изнываютъ въ ничтожество, или образуются въ другія отечества.

Государство сильно, когда оживляетъ идею отечества; оно слабѣетъ, и идетъ даже къ своей гибели, какъ скоро пропавшися ей. Конечно завоеванія не составляли идеи Франціи, ког-

да и при *Наполеонѣ* она чуть не погибла отъ завоеваній. Она однако не погибла; это знакъ, что спихіи ея идеи сильно проникли въ народъ французскій: сокрушилась только та сила, копорая успремлялась преобразовать сію идею. Вулканическій островъ океана поглотилъ остатки великаго предсавишеля сей силы, несогласной съ идеєю французскаго опечесства. Понятно послѣ этого, почему слишкомъ быспрыя завоеванія непрочны, почему въ могиль *Александра* македонскаго, великаго генія по многимъ опношеніямъ, погребена была та колоссальная монархія, копорая изумила міръ и обширностію своею, и быспропою разрушенія.

Спрашивается: чтообъ опредѣлишь наиполезнѣйшія науки для опечесства, необходимо ли нужно знать его идею? Нѣтъ сомнѣнія, что было бы полезно знать сію идею; попомучно знавши ее, можно вѣрнѣе судить о томъ, какія науки согласны съ цѣлью опечесства: но

Во-первыхъ: шрудно, и не всегда возможно, поспичь идею опечесства; ее шрудно опредѣлишь и тогда, когда она много уже обнаружила себя; а какъ предугадать ее, въ самомъ началѣ ея развитія? Между шѣмъ опечесство подвигается впередъ безпрерывно; оно не остановишся для по-

го, чпобы подождать, пока кто нибудь опкрестъ сго идею, и приспособить къ сей идеѣ воспитаніе.

Во-вторыхъ: если трудно поспичь сію идею; по легко придти въ заблужденіе насчетъ ея, и почестъ за настоящую идею опечесства свое собственное предположеніе. Всякій видипъ, какая опасность угрожала бы опечесству, если бы воспитаніе въ немъ расположено было по какому нибудь несправедливому предположенію сего рода. Къ счастью, здравый смыслъ такъ возмущается противъ этого, что едва ли кто нибудь, въ нынѣшнія времена, кромѣ мечпашеля, захопѣлъ бы привести въ исполненіе споль важный планъ, (*) основанный на невѣрныхъ полько догадкахъ.

Въ-третьихъ: знашь идею опечесства недостаточно для опредѣленія воспитанія; попомучю идея сія, развиваясь, измѣняетъ безпрестанно наружный видъ свой. Опъ одного поколѣнія она пребуетъ, можешъ бытъ, болѣе физической силы, нежели умспвенной; опъ другаго напро-

(*) „Размышляя объ общественной пользѣ, нахожу, „пишетъ *Лейбницъ* къ *Плакцію*, что съ улучшеніемъ воспитанія юношества улучшился бы родъ „человѣчскій.“ „(Cogitanti mihi de rationibus procurandi publici boni, succurrit sane, emendatum iri humanum genus educatione juventutis in melius reformatum.)“

нивь ; и припомъ пребуешь она , можетъ быть , что бы физическая , или умственна , сила была обращена , въ одномъ вѣкѣ , на такую предметъ , на который она не должна быть обращена въ другомъ вѣкѣ . Возмемъ напр . опять предположеніе наше о такомъ опечесствѣ , которое имѣло бы идею : сплавишь многія различныя племена . Можно думать , что сіе опечесство было бы воинственнымъ . Но съ кѣмъ , въ какія времена , и гдѣ (на морѣ , или на сушѣ) , оно будетъ воевать ? Сколько разныхъ приготовленій ! Далѣе : одними ли завоеваніями сплавливаются народы ? Завоеванія не сославляють ли только малую часть сего дѣла ? Далѣе : другія опечесства , развивая свои собственные идеи , не дѣйствуютъ ли безпрестанно на наше ; и не должно ли наше брать свои мѣры противъ сихъ вліяній , обращая ихъ въ свою пользу , или отклоняясь отъ вреда ихъ ? Но обстоятельство , которыми могутъ измѣняться жизненныя явленія опечесства , безчисленны . Ихъ не лзя уничтожить , въ пользу идеи , и однимъ шагомъ , прямо , достигнуть до ея цѣли . *«Никто такъ не кривитъ исторію , сказалъ одинъ глубокій историкъ нашего времени , какъ логика . (*)* Тѣ же можно отнести и къ опе-

(*) „Rien ne fausse plus l'histoire que la logique.“ Guizot.

честиву. Подъ логикою здѣсь разумѣется та непреклонность выводовъ, которая не смотритъ на множество разныхъ случайныхъ обстоятельствъ, дающихъ иногда совершенно другой оборотъ дѣлу. Не всякое полезное начало, такъ какъ и не всякое вредное, производитъ непременно всѣ тѣ полезныя, или вредныя, слѣдствія, какія можеть выводити изъ него логика. Ипакъ планъ дѣйствія въ пользу опечества долженъ бытъ разнолагаемъ по обстоятельствомъ. Самые сильнѣйшіе гении, напримѣръ *Наполеонъ* (мы любимъ приводить его въ свидѣтельство; попомучно великій челоуѣкъ открываетъ великія истины), соображали всегда свои поступки съ своею нравіемъ обстоятельствъ. Конечно надобно имѣть определенный планъ для дѣйствованія: но сей планъ долженъ имѣть ту степень упругости, которая, позволяя ему сохранять собственный видъ его, уступаетъ однако, сколько должно, всѣмъ наружнымъ впечатлѣніямъ. Это необходимое правило практическаго благоразумія.

Сіе правило благоразумія должно бытъ приложено и къ наукамъ. Опечество требуетъ такихъ только наукъ, которыя могутъ служить для удовлетворенія нужды его. Нужды его, съ печеніемъ времени, измѣняются; слѣдовательно должны измѣняться и соотвѣтственные имъ на-

уки. Чѣшбь приготошсья къ удовлешворенію нуждъ , должно знашь ихъ , или предвидѣшь . Мы можемъ знашь настоящія нужды , и предвидѣшь не слишкомъ опдаленныя , ш. е. тѣ , копорья зависяшь непосредспвенно опъ настоящихъ , и соспавляють какъ бы ихъ продолженіе . Правда , мы можемъ предвидѣшь иногда и весьма опдаленныя нужды , но шолько , шакъ сказашь , логически , а не исторически , ш. е. безъ всѣхъ тѣхъ посредспвующихъ случайныхъ обспояпельствъ , копорья могутъ опдалишь или приблизить эпоху удовлешворенія сихъ нуждъ ; слѣдовашельно мы можемъ предвидѣшь ихъ шолько въ неопредѣленной дали , какъ количество алгебраическое . Ишакъ хопя казалось бы , что полезно приготошьясь и къ нимъ ; но еще полезнѣе приготошьясь къ нуждамъ самымъ непосредспвннымъ , настоящимъ , или зависящимъ опъ настоящего времени , копорья не пощадяшь насъ , копорья случашся не въ опдаленной , можетъ бышь , будущности , а сущеспвуютъ шеперь , или являсь скоро . Займемся сперва настоящимъ , пошдъмъ уже примемъ наши мѣры для будущаго . И не можемъ мы , хопя бы и хопѣли , удовлешворить будущему , не удовлешворивъ спера настоящему , и всему , что случашся передъ симъ будущимъ . Должно уступитъ закону необходимости .

Слѣдуя сему закону, мы ничего не потеряемъ. Необходимость есть вѣрнѣйшая и крайняя дорога къ пользѣ; это великое средство, употребляемое Провидѣніемъ для достиженія высшихъ цѣлей. Что бы увѣрился въ это, взглянемъ напр. на дѣйствія государственныхъ обществъ. Главное спараніе государства состоитъ, по необходимости, въ самосохраненіи. Для самосохраненія оно должно употреблять сколько общественныхъ силъ, сколько нужно. Чѣмъ больше неприятелей угрожаютъ его самосохраненію; тѣмъ, конечно, больше оно должно употреблять сихъ общественныхъ силъ. Иногда для сего нужно все количество ихъ; такъ что онѣ не могутъ быть употреблены ни на что другое, безъ опасности государства. Такое время есть время гибельное для наукъ и художествъ вообще; ибо оно все поглощается войною. (Къ войнѣ относимъ и всѣ пригошвленія для нея). Но случаи сіи весьма рѣдки. Обыкновенно часть силъ общественныхъ можетъ оставаться свободною отъ военнаго употребленія. Сія часть силъ можетъ быть очень великою. Самосохраненіе государства требуетъ непременно того, что бы употребилъ ее какъ нибудь; попомучто она, по существу своему, не можетъ остаться въ совершенномъ бездѣйствіи; и если не дать ей какого нибудь направленія, то она сама се-

бѣ избереть его, и, можетъ быть, избереть опасное. Какое дасть ей направленіе? Такое, чѣтобы оно служило къ обогащенію государства; это необходимо для государства. Отсюда поощренія въ пользу фабрикъ, торговли, наукъ и художествъ всякаго рода, т. е. поощренія въ пользу человѣчества. Государство имѣло въ виду только свои выгоды, искало только ихъ пріобрѣтенія; а нашло гораздо болѣе, нашло средства совершенствоваться человѣчество. Провидѣніе провело для челоѣка, какъ одинокаго такъ и общественнаго, дорогу къ совершенству — а это дорога жизни — какъ бы между двумя каменными скалами. Всякій разъ, когда онъ захочетъ отклониться отъ нея (онъ можетъ это сдѣлать), встрѣтитъ для себя непреодолимые препятствія, и болѣзненное чувство извѣститъ его о дурномъ его направленіи. Если онъ не уважитъ сего извѣщенія, и будетъ продолжать свое упорство; то ничего больше не сдѣлаетъ, какъ падѣ, чѣто погибнетъ.

Покоримся же съ довѣренностью закону необходимости;

„Чѣтобы ни было — Незримой.

„Ведетъ насъ къ лучшему концу

„Снезей непоспѣжливой.

Поспужая согласнo съ наспоющими нуждами опечесства, мы будемь содѣйствоватьь самому исполненію его идеи, хопя бы и не знали, въ чемь состоипть она. Только идея оживляетъ опечесство; шолько она одна дастъ ему прочное могущесство. Если опечесство цвѣтеть, то это вѣрный знакъ, что его идея, какая бы она ни была, развиваетъ въ полной силѣ; иначе оно приходило бы въ упадокъ.

Поэпому наиполезнѣйшія опечесству свѣдѣнія будутъ тѣ, которыхъ пребуешь наспоущее и предвидимое его положеніе. Сіе положеніе составляетъ для опечесства тѣ же, что возрастъ для человека; оно опредѣляетъ вообще его способности, съ которыми и должно сообразоваться.

Итакъ въ систему ученія должны входипть свѣдѣнія, *только соответственныя состоянію опечесства*, а всѣ несообразныя съ симъ состояніемъ должны бытъ исключены изъ нея.

3) Наиполезнѣйшія науки относительно человечества.

Ихъ опредѣлитъ не трудно, по аналогіи съ науками, нужными для опечесства.

Человѣчесство, развиваясь, измѣняется. Измѣненіе сіе обнаруживается *духомъ времени*. Духъ

времени показываетъ силу, способности человѣчества; съ нимъ слѣдовательно и надобно соглашашь выборъ наукъ (*).

Итакъ въ систему ученя должны входить свѣдѣнія, *только согласныя съ духомъ времени*, а всѣ не согласныя съ нимъ должны быть исключены изъ нея.

4) Оспаривается опредѣлить *наипользнейшія науки относительно ихъ самихъ*, или вспомогательныя. Но, въ семъ отношеніи нѣтъ наукъ *наипользнейшихъ*; есть только, или необходимыя, или вовсе безпользныя. Онѣ необходимы, какъ скоро служатъ для приобрѣщенія нужныхъ *самостоятельныхъ свѣдѣній*; онѣ вовсе безпользны, когда не служатъ для этого: потому что сами собою не составляютъ *свѣдѣній самостоятельныхъ*, которыя одни составляютъ *знаніе*.

Но какъ же согласить это съ сказаннымъ прежде (на стр. 74), что и самыя *самостоятельныя свѣдѣнія* могутъ быть *необходимою ступенью* для другихъ, слѣдовательно могутъ быть *вспомогательными*? Очень просто: свѣдѣнія, въ этомъ случаѣ, не потому *самостоятельны*, что

(*) Смотрите ниже, гдѣ говорится о духѣ времени.

служашь необходимою спущенною для другихъ , а по собственному существу ихъ ; и сіи свѣдѣнія были бы совершенно бесполезны , если бы вся польза ихъ заключалась только , и то понапрасну , въ свойствѣ бытъ вспомогательными . Геометрія напр. состоитъ изъ самостоятельныхъ свѣдѣній : но если бы кто нибудь захотѣлъ употребить ее , какъ вспомогательную только науку для краснорѣчія ; тогда весьма бы ошибся въ своемъ расчетѣ , и сдѣлалъ бы гораздо лучше , занявшись , вмѣсто геометріи , изученіемъ нѣхъ иностранныхъ языковъ , которые богаты образцами краснорѣчія . Другое дѣло , если бы онъ назначилъ геометрію вспомогательною наукою для физики ; тогда она была бы ему полезна , не только сама по себѣ , но и какъ средство успѣть въ физикѣ .

Итакъ въ систему ученія должны входить свѣдѣнія , изъ числа *вспомогательныхъ* , *только необходимыхъ* , а всѣ , безъ которыхъ можно обойтись , должны бытъ исключены изъ нея .

Все ли сказано теперь о системѣ ученія вообще ? Нѣтъ еще ; мы не говорили о высшихъ средствахъ учащагося . Не всѣ могутъ учиться всему , чему могли бы учиться . Не лзя сыну бѣднаго поселанина заниматься одними науками съ сыномъ богатаго вельможи , хотя бы внуши-

решенія его средства, но есть способности и позволяли это; не позволяють высшія средства, но есть родъ жизни, богатство. Правда, съ увеличивающимся просвѣщеніемъ, высшія средства образованія спановятся, и будутъ спановишься, доступнѣе для всякаго: однако всему есть предѣлъ; никогда рабочій классъ народа, уже и по тому одному, что время его назначено для механической работы, не будетъ имѣть возможности научиться всему тому, что открыто для высшихъ и среднихъ званій.

Итакъ въ систему ученія должны входить свѣдѣнія, *только не превышающія наружныхъ средствъ учащагося*, а всѣ несообразныя съ сими средствами должны быть исключены изъ нея.

Теперь, кажется, мы разобрали всѣ спихіи, нужныя для составленія надлежащей системы ученія. Соберемъ всѣ сіи спихіи вмѣстѣ, и составимъ изъ нихъ одно цѣлое.

Въ систему ученія должны входить, какъ мы видѣли, свѣдѣнія:

Только совмѣстныя съ организаціею учащагося, —

Только совмѣстныя съ возможнымъ пожертвованіемъ времени учащагося, —

Только	}	Только отвѣчающія способностямъ
наипо-		учащагося, —
лезнѣй-		Только соотвѣстственные состоянію
шія,		его опечества, —
ш. е.	}	Только согласныя съ духомъ его вре-
		мени, —
		Только необходимыя, изъ числа вспомо-
		гательныхъ, —

Только не превышающія наружныхъ средствъ учащагося.

Сократимъ всѣ сіи стихи въ одну наипростѣйшую формулу.

Система ученія должна заключать въ себѣ всѣ тѣ, съ необходимыми вспомогательными, свѣдѣнія, которыя соотвѣтствуютъ внѣшнимъ, и внутреннимъ, средствамъ учащагося, состоянію его отечества, и духу времени.

Сія формула заключаешь въ себѣ все что разобрано было въ предыдущихъ параграфахъ. Она, мы думаемъ, рѣшаетъ пошлѣ важный вопросъ о системѣ ученія, который пребуешь полноты свѣдѣній безъ излишества.

Оставимъ теперь область умозрѣнія, гдѣ пребываютъ истины общія, безусловныя, такъ сказать, неподвижныя; и перейдемъ къ приложеніямъ, гдѣ дѣйствуютъ истины частныя, условныя, подвижныя. Чинатель, вѣрно, не ожидаетъ отъ

насъ всѣхъ приложеній системы ученія : ибо приложенія могутъ быть безчисленны ; всякій особенный человѣкъ пребудетъ для себя особеннаго приложенія. Можно , и должно , слѣдовательно ограничиться только главными изъ нихъ , т. е. самыми общими.

Всѣ разницы ученія можно вывести изъ двухъ главныхъ родовъ обстоятельствъ : 1) изъ *внѣшнихъ* или , говоря языкомъ нѣмецкой философіи , *объективныхъ* , и 2) изъ *внутреннихъ* или *субъективныхъ* средствъ учащагося. Изъ сказаннаго прежде уже видно , что ко внѣшнимъ или объективнымъ средствамъ принадлежатъ тѣ , которыя находясь внѣ человѣка , напр. его фортуна ; а къ внутреннимъ или субъективнымъ — тѣ , которыя находясь въ немъ самомъ , т. е. тѣлесныя и душевныя его способности.

Очевидно , что , по различію внѣшнихъ средствъ учащагося , ученіе его можетъ быть различно : можетъ быть обширно при обширныхъ средствахъ , скудно при скудныхъ. Предположимъ самыя обширныя , такъ какъ это предполагается въ домашнемъ воспитаніи высшаго дворянства , въ гимназіяхъ и пансіонахъ. Вообще всѣ учебныя заведенія , какъ государственныя , такъ и частныя , исключая специальныхъ , опредѣленныхъ въ пользу однихъ какихъ нибудь искусствъ или ре-

мсль, имѣюпъ цѣлью достигнуть до того максимум просвѣщенія, которое совмѣстно со всеми возможными внѣшними средствами. Ипакъ мы ограничимся здѣсь однимъ только изъ всѣхъ приложений, основанныхъ на внѣшнихъ средствахъ учащагося, именно тѣмъ, которое предполагаетъ наибольшія внѣшнія пособія.

Относительно внутреннихъ или субъективныхъ средствъ, могутъ быть только при главныхъ приложения системы ученія, по прѣмъ возрастамъ человѣка, имѣющимъ наибольшее отношеніе къ умственному воспитанію. Мы разумѣемъ здѣсь приложение системы ученія къ дѣтскому (куда включаемъ и отроческій), юношескому и зрѣлому возрасту. Согласно съ сими прѣмъ періодами жизни человѣческой, ученіе можетъ раздѣлиться на *первоначальное, среднее и высшее*. Сіе раздѣленіе не произвольно; оно основано на великомъ различіи пѣлесныхъ и душевныхъ силъ, обнаруживающихся въ названные теперь при возраста. Не упоминаемъ о старческомъ возрастѣ, который есть продолженіе или, справедливѣе, постепенное изчезаніе зрѣлаго.

Изъ сихъ прѣхъ главныхъ приложений ученія, основанныхъ на внутреннихъ средствахъ учащагося, мы ограничимся только первымъ, то есть соопвѣтственнымъ дѣтскому возрасту. Находимъ

нужнымъ, однако, сказать нѣсколько словъ о среднемъ и высшемъ умственномъ воспитаніи: попомучпо первоначальное должно служить пригопшвленіемъ къ нимъ; и слѣдовательно надобно имѣть объ нихъ, по крайней мѣрѣ, общее понятіе.

Природа такъ устроила челоѡка, что въ дѣтствѣ своемъ онъ имѣетъ необходимость въ руководствѣ другихъ, въ юношесствѣ дѣйствуетъ уже больше самъ собою, въ зрѣлости можетъ другихъ руководствовать; для того она одарила, какъ физиологія показываетъ, дѣтство преимущественно памятью, юношество — разумомъ и спрасями, зрѣлость — разсудкомъ и характеромъ.

Основываясь на семъ, можно доказать, что среднее умственное воспитаніе, отвѣчающее юношескому возрасту, должно заключать въ себѣ наибольшую всеобщность, разнообразіе, энциклопедизмъ свѣдѣній; а высшее, отвѣчающее зрѣлостному возрасту, — наибольшую частность, однообразіе, монопедизмъ ихъ. Въ среднемъ воспитаніи должно пригшшшвиться ко всему; въ высшемъ — спремиться къ одной какой нибудь определенной цѣли. Что бы пригшшшвиться ко всему, надобно обо всемъ получить понятіе; что бы спремиться къ одной какой нибудь опре-

дѣленной цѣли, должно сосредоточить въ одинъ пунктъ все разнообразіе свѣдѣній.

Энциклопедія средняго воспитанія не естъ энциклопедія глубокая: энциклопедіи глубокой и бытъ не можешь; это прошивно ея свойству. Монопедія пребуешь глубины. Поэтому докторство (званіе, показывающее наибольшіе успѣхи въ какихъ нибудь наукахъ), болѣе или менѣе энциклопедическое, такъ какъ оно теперь вездѣ существуешь, не отвѣчаетъ своему назначенію; докторство, по существу своему, должно бытъ монопедическое. Въ каждой наукѣ можно успѣтъ до степени доктора, и бытъ напр. докторомъ физики, политической экономіи, ботаники, лашинизма, и ш. д. Требуя, для докторства, разнообразія наукъ, можно опказанъ въ этой степени какому нибудь *Линне*, или *Лапласу*, или *Ньютону*, и дасть ея какому нибудь А, Б, В, Г, и ш. д.

Итакъ монопедизмъ для высшаго ученія, энциклопедизмъ — для средняго. Кончившій среднее ученіе избираешь родъ жизни, постукая или въ гражданскую, или въ военную, или въ духовную, или въ ученую службу опечеслву; будучи пригошовлень ко всему, онъ предаешь одному чему нибудь исключительно, успремляя всѣ свои свѣдѣнія на избранный имъ предметъ. Высшее

ученіе собственно назначено только для тѣхъ, которые посвящаютъ себя ученой жизни. Въ университетахъ нѣтъ высшаго ученія; оно только въ кабинетахъ, или въ академіи. Не посвящающій себя ученой жизни, останавливается на среднемъ; и родъ службы обществу составляетъ для него почти центръ, куда должна быть обращена вся сила его познаній; служба государственная по этому, какого бы рода она ни была, становится также родомъ монопедагогизма или высшаго ученія; другими словами, высшее ученіе есть служба государству.

Но всякой монопедагогической должна предшествовать, какъ необходимое приращеніе, возможная энциклопедія, т. е. среднее умственное воспитаніе. Среднему умственному воспитанію должно предшествовать, какъ необходимое приращеніе, первоначальное ученіе, главный предметъ перешагнутого нашего разысканія, къ которому и обращаемся.

Приведемъ на память эту формулу системы ученія, которой основательность выведена была нами а priori. Сія формула слѣдующая:

Система ученія должна заключать въ себѣ все тѣ, съ необходимыми вспомогательными, свѣдѣніями, которыя соответствуютъ вѣдѣніямъ, и

внутреннимъ , средствамъ учащагося , состоянію его отечества , и духу времени .

Исключимъ изъ сей формулы положеніе , относящееся до *внѣшнихъ* средствъ учащагося , (попомучшо мы не ограничиваемся здѣсь симъ условіемъ , предполагая для учащагося наибольшія внѣшнія пособія) , и яреврашимъ все оспальное въ рядъ условій ; мы получимъ слѣдующее :

Система ученія , въ дѣтскомъ возрастѣ , пребуешъ :

- I. Чшо бы преподаваемыя дѣтямъ свѣдѣнія не переходили за границы ихъ понятія ;
- II. Чшо бы сіи свѣдѣнія можно было сообщашъ дѣтямъ съ наивозможно ранняго ихъ возраста ;
- III. Чшо бы они , развивая умспвенныя способности дѣтей , способствовали , сколько можно , къ развитію и плѣсныхъ силъ ихъ .
- IV. Чшо бы образовывали соопвѣспвенно нынѣшнему духу времени .
- V. Чшо бы служили , сколько можно болѣе , къ тому , чего пребуешъ наспоющее и предвидимое положеніе опечества .
- VI. Чшобъ составляли необходимое пригощевленіе къ дальнѣйшимъ свѣдѣніямъ .

Чишпатель видипь, что все сии условия суть ничто иное какъ разложенная формула системы ученія, ни болѣе ни менѣе какъ сія формула, за исключеніемъ одного только положенія ея о *внѣшнихъ средствахъ* учащагося: первыя при условия отвѣчаютъ *внутреннимъ средствамъ учащагося* (*); четвертое условие отвѣчаетъ *духу времени*; пятое — *состоянію отечества*; шестое наконецъ — *выбору вспомогательныхъ наукъ*.

Посмотримъ, удовлетворяетъ ли принятая теперь система дѣйскаго ученія симъ условиямъ. Если она не удовлетворяетъ имъ: то мы въ правѣ заключить, что она не хороша, и пребудетъ переменна; ибо сии условия, какъ показано, думаемъ, основательно, необходимы для надлежащей системы ученія.

(*) Замѣшимъ, что въ выраженіи: *свѣдѣнія, соотвѣтствующія внутреннимъ средствамъ учащагося*, заключены три, выше сдѣланные нами, вывода:

Свѣдѣнія, только совмѣстныя съ организаціею учащагося, —

Только совмѣстныя съ возможнымъ пожертвованіемъ времени учащагося, —

Только отвѣчающія способностямъ учащагося.

Чему спараюцца у насъ учить дѣтей? Сперва ихъ обучаюць чытаць и писаць. Нѣкошорая мода, сдѣлавшаяся почпи пошояннымъ обыкно-веніемъ, пребуешъ еще, чпобъ дѣши, даже съ са-мага нѣжнаго возраста, выучивали наизусть какія нибудь басни, или русскія, или французскія. По-шомъ, по мѣрѣ увеличивающагося возраста, на-значаюць дѣшямъ : граммашику, ариомешкику, гео-мешпрію, Законъ Божій, иноспранные языки, свя-щенную, всеобщую, русскую исторію, географію мапемашическую, полишическую, рипорику, пін-шику, миѣологію, рисованье, шанцованье и музы-ку (*). Въ семъ заключаешся *система наукъ*.

Сличимъ сію систему съ выше-опредѣленны-ми шесшыю условіями.

ПЕРВОЕ УСЛОВІЕ.

Она прошивишся первому условію, пребую-щему, *что бы преподаваемая дѣтямъ свѣдѣніа, не переходили за границы дѣтскаго понятія*. Самое ученіе наизусть басенъ и сказочекъ, копо-рья, повидимому, весьма проспы и весьма укра-

(*) Учатъ въ нѣкошорыхъ мѣспахъ и физикѣ; но такъ рѣдко, и такъ мало, чшо нечего упоминашь о сей наукѣ.

шающъ малюшокъ въ глазахъ опца или мапери , особенно передъ поспоронними людьми , не выше ли дѣпскаго разума , въ нѣкопоромъ опношеніи ; не соспавляешъ ли болѣ предметъ чванспва родипелей, чѣмъ сущеспвенную пользу дѣшей ? Могушъ ли дѣпи понимашъ хорошо мораль , заключенную въ басняхъ ? Осмѣяніе слабоспей и пороковъ человѣческихъ , предосперезеніе опъ злонамѣренной хипроспи и коварспва, намеки на злоупотребленіе власпей, и пому подобное , согласны ли съ дѣпскими понятіями ? Чшо бы понимашъ самую проспую мораль, надобно ее чувспвовашъ ; безъ эшого она мершвое слово. Но дѣпская душа созрѣла ли для эшого ? Самыя обыкновенныя моральныя понятія имбюшъ шолько мнимую легкость ; кажешся, чшо они всегда и всѣмъ доступны , но въ самой вещи эшого нѣшъ. Всѣ , напримѣрь , швердяшъ безпреспанно , чшо *должно умереть* ; но всѣ ли , и часшо ли , понимающъ силу эшой рѣчи ? Сколко людей чувспвовали эшу силу шолько одинъ разъ въ жизни — передъ смершью ! Теперь осмѣливаемся спросить : чшдъ понимаетъ шрехлѣпнее дшпя , когда оно лепечешъ передъ вами прекрасныя спихи *Крылова* или *Лафойтена* ? Попугай едва ли не сполько же понимаетъ слово *дуракъ* , копорому его научили , и копорое онъ больше или меньше ясно и забавно произносптъ ,

при видѣ гостя или хозяина дома. Не желая оскорбить родителей и родителейницъ, признаёмся, что лепешаніе наизусть басень ихъ малюшками казалось намъ всегда смѣшнымъ. Но мы не того мнѣнія, чтобы басни не годились вовсе для дѣшей; напрошивъ, полагаемъ, что онѣ весьма полезны имъ. Только полезны не для того, чтобы учить ихъ наизусть, или учиться изъ нихъ нравственной философіи; а для того, что онѣ согласны съ состояніемъ, и пребываніемъ, дѣтскаго ума. Чтобы душа младенца скорѣе развивалась, природа побуждаетъ его упражнять свое воображеніе. Воображеніе, не повѣряемое еще строгимъ разумомъ, переслупаетъ безпрестанно, въ своихъ представленіяхъ, за границы возможности. Опшого младенецъ созидаетъ около себя совершенно фантастическій міръ, и любитъ жить въ такомъ мірѣ. Чего ни коснется рука его, все это перелетъ передъ нимъ наспоющее свое значеніе, и превращается, силою его воображенія, во что нибудь недѣйствительное. Когда дитя занимается игрушками, тогда думаетъ вовсе о другомъ, нежели что такое въ самой вещи эти игрушки. Игрушки для дѣтскаго возраста важное занятіе: ибо онѣ упражняютъ и развиваютъ умственные способности ребенка; посредствомъ ихъ воспитывается его фантазія, и

ростень умъ; такъ какъ посредствомъ прыганья, скаканья и другихъ, по видимому, безразсудныхъ движеній развиваются плѣсныя его силы. Замѣчаемъ это здѣсь съ шѣмъ намѣреніемъ, что бы показать родителямъ и воспитателямъ, какъ неблагоразумно пренятсшвовашъ дѣтской рѣзвости и забавамъ. Не дѣти дѣлають глупость, когда рѣзвятся и забавляются, а пѣ, которыя запрещаютъ имъ это дѣлать. Вообще, воспитателямъ дѣтей предлагаемъ правило: считашъ важнымъ все шѣ, къ чему дѣти расположены отъ природы, какъ бы сіи расположенія ни казались незначительными, или вздорными.

Ипакъ игрушки суть средсва просвѣщенія въ дѣтскомъ возрастѣ. Но чтообъ онѣ были въ полной мѣрѣ полезны, не должно даватъ ихъ голыя дѣтямъ; надобно чтообъ сами дѣти приготавливали ихъ себѣ: игрушки, сдѣланныя другими, теряють большую часть своей пользы; ибо лишаютъ младенца случаяевъ, и побужденія, изощрять свою изобрѣшательность. Почему дѣти бѣдныхъ родителей вообще догадливые насчетъ удовольстворенія нуждъ и желаній своихъ, нежели дѣти богатыхъ? Потому наибольше, что богатыя дѣти обременены покупными игрушками, а бѣдныя дѣти сами достаютъ, или работаютъ ихъ. Отъ басень мы перешли къ

игрушкамъ попому , что назначеніе шѣхъ и другихъ должно быть почти одинаково. Мысли голыя , не облеченныя чувственными образами , не имѣють долго доспуа къ уму младенческому , шакъ какъ и къ уму младенчеспвующихъ народовъ. Между шѣмъ дѣтя чувспвуетъ надобноспъ упражнять свой разумъ , въ кошоромъ намаять и воображеніе не сравнено сильнѣе разсудка. Вопъ опчего пріятны для него басни и сказочки. Ишакъ чпшайте ему , или давайте чпшать , сіи басни и сказочки : но не заспавляйте его учпшь ихъ наизуспъ ; не пребуйте особенно , что бы оно поспигло нравоученіе басень. Басни могушь развивашъ умъ , но шакъ какъ химерическія созданія , а не логическія или нравспвенныя сочиненія. Если вы имѣете намѣреніе укрѣплять намаять дѣшей ; шо этого доспигнете , еще съ большею пользою , другими предметами , о кошорыхъ будемъ говорить ниже.

Впрочемъ басни соспавляють , въ обыкновенной системѣ ученья , энциклопедію дѣшей только въ самомъ раннемъ ихъ возрастѣ. Въ возрастѣ , поспепенно укрѣпляющемся , дѣши учатся , какъ выше сказано , ариометшкѣ , граммашкѣ , исторіи , и ш. д. Почти всѣ сіи науки дѣйспвпшельно имѣють много гоняшнаго дѣшямъ ;

но онѣ спазновягся несоразмѣрными съ дѣтскими способностями опъ *правила* ученя.

Сіе *правило* ученя состоишь въ томъ , чпобъ передашь дѣтямъ каждую науку *всю* , *отъ начала до конца* , *только вкратцѣ* , предоспавя будущему ихъ возрасту подробнѣйшее изложеніе оной. Всякій учитель спарается доспигнуть эпой цѣли своимъ образомъ , своею *методою* , обыкновенно болѣе или менѣе искусною. Но какъ бы какая наука ни казалась первоначальною , она заключаешъ однако въ себѣ шрудныя мѣста. Ариѣметика еспъ весьма первоначальная наука ; но дроби ея безъ сомнѣнія выше дѣтскаго понятія , въ маломъ возрастѣ. Какъ вкратцѣ ни учите , вы не сдѣлаете дробей легкими для дѣтей : *напрощивъ шого ; Гораций* уже сказалъ : *стараюсь быть короткимъ , становлюсь не яснымъ*. Сколько дѣтей мучагся опъ учителей , и мучашъ ихъ въ свою очередь — при чемъ драгоценное время перяетса невозвратно — дробями ариѣметики ! Иной ребенокъ и учитель провели за ними , если счешъ время всѣхъ переповшореній , съ годъ бесполезной и плачевной жизни. Между шѣмъ жизнь человѣческая наполнена и безъ шого потерями и бѣдспвіями. Нужно ли , что бы ариѣметика прибавляла свои мученія ? Но не одна ариѣметика содержишь сін неудобспва ;

всѣ прочія науки , назначаемыя дѣшямъ , имѣють свои дроби , свои запруднипельныя мѣста.

Есть правило натуральнѣе сего , самое натуральное ; это : учишь дѣшей изъ какой нибудь науки только потому , что не превышаетъ ихъ понятія , не запрудняетъ много ума ихъ . Съ симъ правиломъ вы можете смѣло начинать учишь ихъ всякой наукѣ , какой угодно : ибо всякая наука , какъ море , имѣетъ свои мелкія мѣста ; такъ какъ и на оборотъ , всякая имѣетъ свои глубины , даже бездонныя . Передавши ученику изъ какой нибудь науки все что есть въ ней легкаго , то есть все для чего онъ не долженъ дѣлать слишкомъ великихъ умственныхъ усилий , оставьте на время эту науку ; возьмите другую , шрешью , четвершую , и такъ далѣе ; расположите всѣ эти науки такъ , чтобы онѣ одна другой помогали . Пока ученикъ собираетъ разныя знанія изъ сихъ наукъ , разсудокъ его , по естественному закону , укрѣпляется . Какъ скоро вы почувствуете , что его разсудокъ довольно укрѣпился , и можете уже , безъ опасности , сражаться съ прудностями прежней науки , которую вы было опложили ; то начинайте заниматься опять съ нимъ сею прежнею наукою . Новыя прудности заспаваютъ опять васъ удалиться отъ нея ; новыя силы опять возвращаютъ

къ ней; и такъ до конца. Посредствомъ сего правила ученикъ безпрестанно, съ *наивозможно малыми усиліями*, будешь приобръщать новыя свѣдѣнія; горизонтъ ума его будешь распространяться нечувствительно, но непрерывно и легко. Правда, исполненіе сего правила потребуешь большого искусства со стороны учителя; учитель не только долженъ знать всѣ мелки и глубины науки — вещь немаловажная, — но и угадывать потчасъ всю слабость, и силу, ученика своего, и поступать, *не теряя времени*, сообразно съ сею слабостью, или силою: но въ эпюмъ то и состоить достоинство сего правила, что оно переноситъ большую часть тяжести съ плечъ младенческихъ на плеча взрослого челоука, большую часть трудности ученія отъ ученика къ учителю. Здѣсь видимо сильный помогаетъ слабому. Чтѣ этого натуральнѣе въ семъ случаѣ?

Есть и такія науки, въ числѣ назначаемыхъ дѣтямъ, копорыя вовсе не приличны имъ, въ маломъ возрастѣ: такова исторія. Годится ли для дѣшей исторія, когда они не могутъ понимать словъ: *народъ, государство, законы* и пр., словъ, безъ копорыхъ нѣтъ исторіи. Конечно, можно наиверднѣе дѣтямъ, что существовала некогда ассирійская, вавилонская монархія; что были,

или не были никогда, Нинь, Семирамида : но это исторія ли ? Одни собственныя имена , географическія названія и хронологическія числа соспавляютьшь полько пруть , а не живое шѣло исторіи ; душа сего шѣла заключаешся въ мысли *человѣчества* , копорой участь измѣнялась , въ печеніе вѣковъ , и продолжаешъ измѣнянься , въ слѣдствіе Творческихъ законовъ ; чему собственныя имена , географическія названія и хронологическія числа служаць полько нѣкопорыми указаніями , шакъ какъ *физическое строеніе сердца* служинь указаніемъ кругообращенія крови въ шѣлѣ *человѣческомъ* , и соединенныхъ съ шѣмъ динамическихъ и психическихъ явленій жизни . Сія мысль *человѣчества* , ходъ ея судьбы , вовсе не дѣтское занятіе . Ишакъ слѣдующая дилемма не избѣжна : или вы будете учить дѣшей въ самой вещи исторіи , и шогда понапрасну потеряете время ; дѣши васъ не поймуць : или дѣши васъ будущъ понимаютъ , и шогда вы научите ихъ не исторіи , а нѣкопорому сцѣпленію именъ , названій и числъ . Зачѣмъ же фальшивую монету выдавать за истинную ? Не родъ ли это педаншства , когда ребенокъ произноситъ громкія слова , копорыхъ смысла онъ не понимаетъ ? Хорошо еще , если бы онъ зналъ , что мишура , копорой заспавляютъ блиспаць его , имѣеть полько видъ золота , а въ самой ве-

щи она мѣдъ. Но нѣтъ ; ему и того не открываютъ. Случается , что онъ и на всю жизнь оспается въ этомъ заблужденіи. И какая скука , какая тоска для ребенка выпверживать наизусть числа безъ значенія, или имена безъ смысла. Точно, это для него , какъ говоритъ *Ноксъ* , сухая , жесткая скорлупа наукъ, безъ вкуса и пишательности, Такое несносное занятіе способно только поселить въ немъ отвращеніе отъ всѣхъ наукъ вообще. Конечно не лзя, вопреки *Мойтеню*, усыпать учебнаго класса дѣшей, одними цвѣтами (*); однако зачѣмъ не стараться сдѣлать ученья сколько возможно легчайшимъ и пріятнѣйшимъ.

Не должно ли исключить рѣшительно все , что относится къ исторіи , изъ занятій первоначальнаго ученья? Этому не говоримъ. Все чѣмъ можно показать раннему возрасту силу человека, со стороны сердца , ума , характера , дарованій , безъ сомнѣнія , весьма полезно. Чѣмъ же можно показать эту силу человека ? Частными жизне-

(*) „Combiens leurs classes seroient plus decemment ionchees de fleurs et de feuilles, que de tronçons d'osier sanglants ! J'y ferois pourtraire la Joye, l'Allegresse, et Flora, et les Graces, comme fait en son eschole le philosophe Spreuzippus.“ Это уже кажется намъ нѣсколько утопическимъ.

описаніями. — Посему полагаемъ, что избранныя біографіи примѣчательныхъ людей могутъ составить весьма важную книгу для дѣтскаго возраста. Къ сожалѣнію, нѣтъ ни въ одной лишь пераурѣ сей книги, прилично написанной. Біографія, повидимому, есть одинъ только видъ исторіи, который можетъ сообразоваться съ дѣтскимъ возрастомъ; попомучно онъ легко передаетъ душѣ важныя истины. Жизнь людей, гдѣ особенно видно божественное достоинство человека, или по высокой любви къ ближнему, какъ у *Сократа*, *Ласъ Назаса* и *Песталоцци*, или по могуществу характера, какъ у *Колумба*, или по неутомимости въ исполненіи своего предпріятія, какъ у *Лионне* (Lyonnet), могутъ заронить въ сердце искры благороднаго соревнованія и возвышающаго душу энтузіазма, искры, которыя способны палѣть до времени, и превратиться потомъ въ великое пламя.

Полагаемъ, что собственно исторія можетъ войдти въ массу дѣтскихъ наукъ только подъ конецъ первоначальнаго умственнаго воспитанія.

Итакъ принятая система дѣтскаго ученія не отвѣчаетъ первому нашему условію. Перейдемъ ко второму.

ВТОРОЕ УСЛОВІЕ.

Сіе второе условіе состоить въ томъ, *чтобы можно было начинать ученіе дѣтей съ самаго ранняго ихъ возраста. Наукъ такъ много, и такъ онѣ обширны, а время течеть съ такою быспроюю, что не нужно доказывать пользу наивозможно ранняго ученія. Но какъ можно начинать рано учить дѣтей наукамъ, изъ копорыхъ однѣ по сущности своей, другія по правилу ученія, не соразмѣрны съ дѣтскимъ возрастомъ? Физически невозможно. Это такъ вѣрно, что многіе родители и воспитатели были бы въ большомъ затрудненіи насчетъ того, чѣмъ занять время дѣтей или воспитанниковъ своихъ, если бы употребляемая до сихъ поръ метода обученія чтенію и писанію не была такъ затруднительна и продолжительна. Кто не знаетъ, что охотно заставляютъ дѣтей сидѣть за азбукою или за числописаніемъ, иногда единственнo попому, что они во время сихъ занятій по крайней мѣрѣ не дѣлають ничего дурного, не рѣзвятся и не шалютъ; что съ этою цѣлію принуждаютъ ихъ трудиться лишнее время и надъ другими науками, хотя и невидяць большихъ успѣховъ ученія?*

Итакъ дѣти начинаютъ учиться, кромѣ чтенія и писанія, поздно, или, что все равно,

начиная учисья рано, учасья чрезмѣрно продолжительно: это фактъ. Какая потеря времени! Разобравши все съ точностью, найдется, что полезнѣе для ребенка рѣзвиться (ибо опъ рѣзвости развиваются, по крайней мѣрѣ, способности и силы плѣсныя), нежели сидѣть за науками безъ пользы; и что правы плѣ родители, которые долго не начинаютъ учить дѣтей своихъ. Не жалко ли это? Если бы уже это былъ законъ природы, что дѣти не могутъ рано учисья наукамъ, то дѣлать было бы нечего; должно бы покориться жестокой необходимости: но нѣтъ; природа не написала этого закона. Напрощивъ, она позволила проникать въ нѣкоторыя ея тайныя, даже самымъ слабымъ понятіямъ; умѣйте только воспользоваться симъ позволеніемъ. Не теряйте силъ вашихъ напрасну для того, чтобъ нести въ рукѣ вашей 50 пудовъ: вы и не приподымете сей тяжести; но разложите ее на разныя части плѣ по способу Desauguliers, и вы ее понесете; по же и съ науками: старайтесь разложить невещественную сію тяжесть по частямъ на дѣтскія способности, и вы удивитесь ихъ силѣ; но не обременяйте безъ мѣры ихъ понятія въ одномъ пунктѣ. Слѣдовательно все дѣло состоитъ здѣсь въ выборѣ свѣдѣній. До сихъ поръ неприличный вы-

борь оныхъ долженъ былъ прошивнись раннему ученію дѣтскаго возраста.

ТРЕТЬЕ УСЛОВІЕ.

Третье условіе надлежащей системы дѣтскаго ученія пребуешь, что бы преподаваемая свѣдѣнія, развивая умственныя способности дѣтей, способствовали, сколько можно, къ развитію и тѣлесныхъ силъ ихъ.

Изъ предыдущаго знаемъ, что для умственнаго и тѣлеснаго развитія дѣтей должно: упражнять ихъ способности; упражнять особенно, изъ тѣлесныхъ органовъ, органы чувствъ, и преимущественно органъ зрѣнія; упражнять органы и способности соразмѣрно съ ихъ силою.

Какія главныя способности въ дѣтскомъ возрастѣ? Опрочекой возрастѣ (о дѣтскомъ собственно не говоримъ здѣсь, какъ о слишкомъ молодомъ, и, по сей молодости, не способномъ для большей части наукъ принятой системы), опрочекой возрастѣ, продолжающійся отъ 7 до 14 или 15 лѣтъ, отличаетя особенно: со стороны ума, впечатлѣваемостью и памятью; со стороны тѣла, мышечною дѣятельностью.

Спрашивается теперь: обыкновенная система дѣтскаго ученія занимаетъ ли способности дѣтей? Занимаетъ ли ихъ соразмѣрно съ ихъ си-

лами? Совершенствуешь ли органы чувствъ , зрѣніе особенно ?

Она занимаетъ мало ; ибо дѣши , какъ мы выше сказали , или поздно начинаютъ учиться , или , начиная учиться рано , учатся чрезмѣрно продолжительно : то есть въ обоихъ случаяхъ перяется время. Сказанное теперь выраженіе : *учатся чрезмѣрно продолжительно* , ни сколько не противорѣчитъ утвержденію нашему , что дѣши занимающія мало ; попомучто мы говоримъ не о сидѣнн дѣшей за книгою или перадыю (при чемъ они большею часпю только помятся , и ничего не дѣлаютъ) , а о дѣшешномъ ихъ занятіи , во время котораго ихъ способности находятся въ дѣйствительномъ , а не мнимомъ , упражненіи. Чтѣ происходитъ съ дѣшми въ длинныхъ и шрудныхъ ихъ урокахъ ? Тѣлесныя ихъ способности находятся въ бездѣйствіи , умешвенныя работаютъ мало. Конечно , памяшь находить для себя много предметовъ въ принятой системѣ дѣшскаго ученья ; и въ этомъ отношеніи не лзя оуждать сію систему : но она очень недостаточна для опроческой *впечатлѣваемости*. Въ ней слишкомъ много отвлеченнаго ; въ ней все почти отвлеченное. Это не согласно съ намѣреніями природы. Одинъ сей недостатокъ обыкновеннаго ученья дѣшей пре-

буешь уже перемены, исправленія системы. Что касается до пѣлесной, именно до мышечной дѣятельности, то шеперешняя система совершенно ей проливится.

Она почти не совершенствуетъ чувствъ. Правда, рисованье и музыка раскрываютъ нѣсколько зрѣніе и слухъ; но сіе раскрытіе слишкомъ ограничено, особенно когда согласишься, что эстетическія понятія зрѣнія и слуха, которыми собственно занимается рисованье и музыка, гораздо болѣе относятся къ эстетическому чувству, чѣмъ къ самымъ органамъ чувствъ.

Она занимаетъ дѣтскія способности несообразно съ ихъ силами. Мы уже выше старались показать, что преподаваемыя дѣтямъ науки, или по существу своему, или по правилу ученья, вообще выше дѣтскихъ понятій. Отсюда слѣдуетъ, что дѣти принуждены напрягать слишкомъ свои способности, и мучиться, по крайней мѣрѣ, бесполезно. Конечно, самое разнообразное и самое обширное ученье не принесло бы никакой существенной пользы, если бы оно такъ передавалось ученику, что онъ нисколько бы не долженъ былъ напрягать собственнаго ума своего; но всему есть мѣра. Слишкомъ напаянная спруна лопається. Опъ излишняго напряженія ума происходитъ обыкновенно физическая и

моральная усталость : сія усталость , ошь частаго возобновленія своего , можеть превратиться со временемъ въ постоянную вялость души и тѣла. Можно смѣло полагать , что во многихъ учившихся людяхъ природный умъ развился бы лучше , былъ бы свѣжѣе , яснѣе , если бы они меньше принуждены были напрягать , не по силамъ , свои способности въ опрочесствѣ.

Должно учить дѣшей сколько можно меньше тому , что требуетъ особенныхъ усилій ума и эстетическаго воображенія , и сколько можно больше тому , что требуетъ памяти : потому что для особенныхъ усилій ума дѣши не имѣють довольно силъ , и для эстетическаго воображенія они не созрѣли ; а память у нихъ прекрасная. Какія занятія требуютъ особенныхъ усилій ума и воображенія? *Изыщно-словесныя*. Мы не говоримъ , что для сихъ занятій нуженъ большой умъ , но большія усилія ума. Что бы приобрести способность выражать красивыми словами самую обыкновенную мысль ; что бы говорить много и кудряво о чемъ бы по ни было , съ малымъ количествомъ мыслей ; что бы привлекать вниманіе зашѣйливыми оборотами къ такому предмету , который самъ собою никакого , можеть быть , не заслуживаетъ вниманія : для этого надобно несносно работать головою. Правда , со временемъ

эта работа дѣлается не пляжла; но какова сначала? Надобно выломать пакъ голову, какъ шапральные балепчики выламываютъ себѣ ноги для анпреша. И какая польза отъ этого рода мозговой гимнастики въ нынѣшній положительный вѣкъ? Не очевидный ли вредъ, напропавъ того, приучать къ сочиненіямъ молодаго человека, или еще ребенка, о такихъ вещахъ, о которыхъ онъ не имѣетъ еще хорошаго понятія? Приучать къ выпійству, прежде нежели онъ запылся идеями? Не привыкнетъ ли онъ отъ этого къ смѣшной самонадѣянности на свои способности, къ пускому болшовству о ничтожныхъ вещахъ, или завиранию о предметахъ, которыхъ онъ не понимаетъ? Не получитъ ли бѣдный эпопъ человекъ мысли, что нанизываетъ опборныя и яркія слова, цвѣтистыя фразы, на какую нибудь гнилую нипочку мысли, есть важное занятіе въ жизни.

Но вотъ невыгода изящно-словесныхъ занятій, несравненно важнѣйшая: » Опытъ доказалъ, » говоритъ одинъ изъ извѣстныхъ современныхъ » писателей, что ученикъ, имѣвшій несчастье » скандовать *Виргилія*, или малевать съ *Расина* » и *Буало*, получаетъ опвращеніе отъ всякаго » механическаго занятія. Если сей молодой человекъ принадлежитъ къ разряду людей, не слыщ-

»комъ одаренныхъ счастьемъ; по онъ найдется,
 »безъ пушеводителя и безъ подпоры, въ обществѣ,
 »его отвергающемъ. Послѣ докучливыхъ просьбъ,
 »послѣ несносныхъ требованій, онъ начнетъ же-
 »ласть возмущеній, въ той надеждѣ, что въ смут-
 »ныя времена поймемъ его достоинство (зерка-
 »ло, въ которое смотрится наше самолюбіе,
 »чрезвычайно льстиво)«. (*) Въ самомъ дѣлѣ,
 шакой человѣкъ, будучи недоволенъ своею участью,
 и не имѣя средствъ улучшить ее (не всѣ родя-
 ся гениями, или бывають счастливыми), влечет-
 ся, если слаба въ немъ религія, и нѣтъ возвы-
 шенности въ чувствахъ, или къ бѣдственному
 состоянію, или къ подлости, или къ преступ-
 ленію.

Но оплчимъ опъ изящно-словесности искус-
 ство передавать мысли свои просто, ясно и чи-
 стымъ опечесненнымъ языкомъ. Это искусство
 весьма важно. Хотя оно и не составляетъ соб-
 ственно *знанія*; ибо не увеличиваетъ въ умѣ чи-
 сла полезныхъ истинъ: но служишь, какъ и ино-
 странные языки, вспомогательнымъ средствомъ
 для *занятія*, (**) и, какъ сіи языки, пріобрѣ-

(*) Encyclopédie moderne, art. *Education*.

(**) Communis hic error nigro notandus carbone est,
 quando pro nota characteristicâ ponitur: illum, qui

шаешя помощію упражненія , навыка. Поэтому мы думаемъ , что весьма нужно занимать дѣпей частыми сочиненіями на природномъ языкѣ , не для того чшобъ они умѣли сославлять выпіевашные періоды , а для того чшобъ получили способность хорошо и скоро излагать свои мысли. Такія занятія сочиненіями не выше ли дѣпскихъ способностей ? Опвѣчаемъ смѣло , что нѣтъ ; только не шребуйше опъ дѣпей продолжшель-

praeter suam vernaculam unam vel plures alias linguas callet , eruditis esse adnumerandum. Potest quis decem diversis loqui linguis , hoc tamen nonobstante minime eruditionis laudem meretur et cum splensida sua linguarum notitia inutile est saepius societatis membrum. Linguarum enim cognitio ad acquirendam quidem eruditionem inservit , per se vero eruditum non format , шо еспъ : „Надобно чернымъ углемъ опмѣшпшь общее заблужденіе , будшо бы должно причислять къ ученымъ того , кто знаетъ одинъ или нѣсколько языковъ , кромѣ своего природнаго. Иной можетъ говорить на десяти различныхъ языкахъ , не заслуживая пѣмъ однако ни сколько названіе ученаго , и оставаясь не рѣдко бесполезнымъ членомъ общества , не смотря на блистательное свое знаніе языковъ. Хотя познаніе языковъ и служишь для приобрѣтенія учености , но само собою не составляетъ оной ? „*Fridericus Erasmus*, de statu medicinae hodierno in Russia. Mosquae , 1768.

ныхъ и трудныхъ сочиненій. Чтò дѣлаетъ ребенокъ , когда повторяетъ передъ вами , не слово въ слово (обстоятельство изъ обыкновеннѣйшихъ обыкновенное), урокъ свой? Пересказываетъ вышверженное , и вмѣстѣ сочиняетъ. Сочиненіе это выше ли его силъ? Смѣшно спрашивать. Это обстоятельство показываетъ само собою , какъ можно приняться съ дѣтскими самымъ естественнымъ образомъ за сочиненія. Надобно, чтобъ они своими словами передавали *опредѣленную для се- го часть* урока. Почему опредѣленную только часть урока , а не весь урокъ ? Потомучто весь урокъ великъ , и , можетъ быть , труденъ для этого. Инакъ вошь метода поспешенныхъ сочиненій :

Сперва опредѣлите ученику вашему, для передачія собственными его словами , къ слѣдующему уроку , небольшую , и припомъ самую легкую для объясненія , часть того , о чемъ онъ только что кончилъ учиться ; потомъ , соображаясь съ его силами, можно назначать ему, для сочиненій, части урока больше и больше , труднѣе и труднѣе. Только не надобно спѣшить ; это важное правило для вѣрнаго успѣха. Сначала сей родъ сочиненій будетъ только *словесный* ; потомучто дѣти пишутъ медленно, и слишкомъ много бы , потеряли времени на писанье , которое сверхъ по-

го для нихъ очень скудно : пошѣмъ *письменный* , когда скоро-писаніе переспанеть бышь для нихъ большою трудностью. Учитель , разумѣется , поправляетъ сочиненіе. Сначала дѣлаешь весьма легкія , и не многія , замѣчанія о искусствѣ языка ; пошѣмъ сіи замѣчанія , по правилу постепенности , могутъ бышь разнообразнѣе и труднѣе. Сіи первые опыты сочиненій пріучаютъ , мало по малу , ученика передавать съ нѣкоторою свободою и красотою , словесно или письменно , самыя тяжелыя въ семь отношеніи часпти своихъ уроковъ. Когда онъ достигнетъ до эпого ; тогда опы уроковъ можетъ перейти уже къ постороннимъ предметамъ , и приступитъ къ сочиненіямъ на какую нибудь заданную тему , постепенно болѣе и болѣе затруднительную. Здѣсь его упражненія должны уже бышь соединены съ правилами риторики.

ЧЕТВЕРТОЕ УСЛОВІЕ.

Сіе условіе заключается въ томъ , *что бы преподаваемая свѣдѣнія образовывали соответственно нынѣшнему духу времени.*

Вопросъ о духѣ времени принадлежитъ къ самымъ высокимъ. Духъ времени показываетъ степень развитія , слѣдовательно степень совершенства человѣчества. Какъ степень развитія , онъ долженъ бышь основанъ на искусствѣ духа

человѣческаго ; ибо развитіе какой нибудь вещи есть жизненная дѣятельность естества сей вещи. Какъ степень развитія , онъ не есть случайное обнаруживаніе человѣчественной дѣятельности , но необходимое ея выраженіе ; ибо развитіе совершается по непреложнымъ законамъ. Какъ степень развитія , долженствующаго кончиться возможнымъ , здѣсь на землѣ , совершенствомъ , онъ долженъ существовать одинъ только разъ въ исторіи человѣчества : ибо развитіе происходитъ прогрессивно ; оно безпрестанно подвигается впередъ , хотя и можетъ ускоряться или замедляться отъ разныхъ , благопріятныхъ или неблагопріятныхъ ему , обстоятельствъ ; назадъ обратиться , или по крайней мѣрѣ остановиться на одной почкѣ , оно не можетъ. (*)

Поелику духъ времени основанъ на естествѣ духа человѣческаго , то онъ можетъ быть выводимъ умозрительно изъ естества духа человѣческаго.

Умозрительный выводъ какого нибудь времени весьма нуженъ для убѣжденія въ семь предметъ ;

(*) Видно изъ этого , какъ не рационально Сей-Симонисты раздѣляютъ исторію человѣчества на возвращающіяся не однократно эпохи ихъ : *органическую и критическую*.

ибо эмпирическое опредѣленіе духа времени, какъ бы ни казалось сходно съ тѣмъ, что происходитъ въ человѣчествѣ, не можешь имѣть достовѣрности до тѣхъ поръ, пока не доказано будетъ согласіе его съ опредѣленіемъ, выведеннымъ чисто а priori; иначе случайная дѣятельность тѣхъ или другихъ народовъ, даже тѣхъ или другихъ лицъ, можешь показаться дѣятельностью самого человѣчества. Чѣмъ, если не выводомъ а priori, основанномъ на естествѣ человека, чѣмъ вы докажете, что такія по мнѣнію и дѣла принадлежатъ къ духу времени, а другія, существующія съ ними вмѣстѣ, не принадлежатъ къ нему? Не всѣ же мнѣнія и дѣла какой нибудь эпохи соспавляютъ духъ эпохи эпохи. Какъ вы отличите съ достовѣрностью произведеніе даннаго времени отъ произведеній случайныхъ, или отъ произведеній другихъ временъ? Всеобщностью мнѣній и дѣлъ? Но, *во-первыхъ*: въ какихъ мнѣніяхъ и дѣлахъ найдете вы такую всеобщность, такое единодушіе? Не встрѣтите ли вы, напрошивъ того, цѣля, такъ сказать, полчища мнѣній и дѣлъ, спрежнящихся, подъ разными знаменами, въ разномъ числѣ, къ разнымъ цѣлямъ! *во-вторыхъ*: Если бы вы нашли въ какихъ нибудь мнѣніяхъ и дѣлахъ всеобщность; то не должно ли опнести ихъ скорѣе къ общимъ свойствамъ человека во всѣ времена, чѣмъ къ ча-

стнымиъ качествами его въ какое нибудь определенное время? *въ-третьихъ* : всеобщность мнѣній и дѣлъ не можетъ даже и принадлежать къ духу времени. Человѣчество является не въ видѣ одного нераздѣльнаго существа, но въ видѣ людей различнаго свойства. Люди, живущіе въ какомъ нибудь вѣкѣ, обнаруживаютъ, по различному своему свойству, различный духъ; между тѣмъ какъ многіе изъ нихъ показываютъ наслоящій духъ времени, другіе живутъ преданіями старыхъ временъ, еще другіе предупреждаютъ мнѣніями и дѣлами своими времена будущія. Чѣмъ же, спрашиваемъ, отличите вы запоздалыхъ, и опередившихъ вѣкѣ, отъ идущихъ съ вѣкомъ, и отъ сомнительныхъ или колеблющихся еще? Большинствомъ? Правда, большинствомъ составляетъ очень хорошій эмпирическій признакъ господствующаго духа времени; но и сей признакъ не всегда вѣренъ. Онъ вѣренъ тогда, когда духъ времени много уже развился: но когда сей духъ времени только-что начинался, или когда онъ уже дряхлѣетъ; тогда большинствомъ приведеть васъ въ заблужденіе. Кормчій, съ которымъ вы плывете на корабль, увидѣвъ, непримѣтное для васъ, облачко, узнаете поочасъ ужасную, можетъ быть, бурю, тогда какъ вы обманываетесь еще наружностью прекрасной, тихой погоды.

Но буря налетѣла; она спрашно колеблеть корабль вашъ; въ опчаяніи, вы не знаете, когда будетъ конецъ ея; все небо для васъ грозно и мрачно; и однако, можетъ быть, появились уже на немъ признаки, утѣшительные для опытнаго мореходца. Такъ и съ духомъ времени. Иногда слабая въ немъ, едва примѣтная сперва стихія происшествій служить началомъ новаго порядка вещей. Когда стихія сія усилилась, и сдѣлалась очевидною, вы все еще можете думать, что она, какъ случайное обстоятельство, разсѣяна, что все кругомъ васъ оспаненно попрежнему; а между тѣмъ все уже существенно перемѣнилось, и вы живете въ новомъ вѣкѣ. Что покажетъ вамъ, что убѣдитъ васъ, что такія-то мнѣнія и дѣла заключаютъ въ себѣ великую будущность, что, какъ не введенная умозрительно необходимость ихъ?

Итакъ эмпирическое опредѣленіе духа времени должно повѣрять умозрительнымъ. Для сего послѣдняго опредѣленія надобно прежде показать всѣ возможные эпохи рода человѣческаго: ибо всѣ онѣ составляютъ одно непрерывное цѣлое; и нельзя постигнуть ясно ни одной изъ нихъ, не постигнувши всѣхъ, во взаимной ихъ связи. Прежде означимъ, что такое эпоха человѣчества, и какія ея условія.

Все, заключенное въ природѣ, существуетъ развитіемъ.

Ничто въ природѣ не является въ той полнотѣ, въ которой все явилось бы, если бы не было тому непреодолимыхъ препятствій. Въ каждомъ существѣ мы видимъ малѣйшую только долю того, что оно есть въ своей сущности, и къ чему стремится. Ограниченность, царствующая во всей природѣ, налагаетъ на все оковы свои, и не позволяеть ни чему явиться въ своей безконечности. Все однако стремится достигнуть, сколько можно, до полноты своей. Стремленіе это является развитіемъ, безпрерывно продолжающимся. Мы это видимъ и въ недѣлимыхъ, и въ видахъ, и въ классахъ. Животное царство не остановилось на зоофинахъ, которыми сперва показалось оно на земномъ шарѣ; но продолжало развиваться до челоуѣка, который самъ продолжаетъ еще развиваться. Растеніе не ограничиваетъ бытія своего первоначальнымъ сѣмячкомъ; но растетъ въ корень и стебель, одѣвается листьями, покрывается цвѣткомъ, и созрѣваетъ въ плодъ, погружаясь всю степенью развитія въ *родъ*, который, въ свою очередь, развивается постепенно въ совершеннѣйшія растительныя *фамиліи*, изъ злаковъ напр.

въ саговья , изъ саговыхъ въ пальмы , до розан-ныхъ , и такъ далѣ (*). Какъ скоро суще-ство достигнетъ до возможной степени сво-его развитія ; то начинаетъ исчезать изъ при-роды , начинаетъ умирать. Спароситъ есть уми-раніе. Если существо живетъ , это знакъ , что оно развивается. Если бы человѣкъ не развивал-ся , то животное царство началò бы приходиться въ разрушеніе.

Существо , достигшее до нѣкоторой степе-ни своего развитія , получаетъ способность обна-руживаться снспемою такихъ явленій , къ копто-рымъ оно прежде не было способно. Распеніе въ цвѣтѣ предшаваляетъ явленія , совершенно отлич-ныя отъ нѣхъ , коптовыми оно обнаруживало свое существованіе , бывши въ сѣмячкѣ. Пшпцы дѣй-ствуютъ на природу совсѣмъ не такъ , какъ мол-люски. Сн степени развитія , въ копторыхъ суще-ство превращается изъ прежняго вида въ другой , суть его *эпохи*.

Человѣчество не могло бы проявиться въ одномъ недѣланномъ или человѣкѣ съ такою пол-ношою , съ какою могло оно проявиться во мно-

(*) Нѣкопторымъ объясненіемъ этого можеть слу-жить даже и фиологическій урокъ , приложенный при концѣ сего сочиненья.

гихъ недѣлимыхъ или людяхъ; и для того оно существуетъ собирательно, въ видѣ множества. Множество предполагаетъ различіе; ибо безъ различія оно не было бы множествомъ, а единствомъ. Но различію людей, человѣчеству не льзя, какъ уже выше замѣчено, развиваться однообразно во всѣхъ своихъ недѣлимыхъ; и потому нѣкоторые недѣлимые переходятъ за степень его развитія, а другія не достигаютъ до нея. Въ каждой эпохѣ человѣчества вы найдете людей всѣхъ эпохъ. Но люди, отдѣльно взятые, должны исчезать въ родѣ человѣческомъ. Отдѣльные люди, къ какой бы эпохѣ они лично ни принадлежали, должны переняться въ общей массѣ. Они не могутъ сдѣлать своей эпохи эпохою рода человѣческаго.

Итакъ въ человѣчествѣ всегда бываетъ одна эпоха. Впрочемъ въ каждой эпохѣ есть, по закону совершенствуемости, начало, зародышъ слѣдующей; такъ какъ въ цвѣткѣ вы находите уже зародышъ плода.

Несправедливо нѣкоторые думаютъ, что эпоха рода человѣческаго представляется всѣми современными народами земного шара. Въ новейшихъ мыслителяхъ смѣшивается эпоха человѣчества съ человѣчествомъ вообще. Въ семь послѣднеемъ, безъ сомнѣнія, находятся во всѣ времена всѣ стихіи онаго, и религіозная стихія, и эстетическая,

пическая, и философская. Но эпоха человечества есть особенная степень развитія стихій сихъ, съ оцупишельнымъ перевѣсомъ кошорой иибудь одной изъ нихъ. Эпоху рода человеческого должны образовашь только самые просвѣщенные народы; попомучно у нихъ человечество достигаеть до высшей точки своего развитія. Просвѣщеніе переходить отъ одного народа къ другому, и переносить съ собою въ разные края свѣта одну и ту же человеческую эпоху.

Хотя развитіе происходитъ не по случайнымъ обстоятельствомъ; однако сіи обстоятельство имѣютъ великое на него вліяніе. Изъяснимъ примѣромъ. Рожденіе цвѣтка и плода въ растеніи основано на томъ, что безъ цвѣтка и плода растеніе не можетъ воспроизводить подобныхъ себѣ, и поддерживать слѣдовательно своего рода. Безъ цвѣтка и плода растеніе было бы не возможно, какъ существо природы. Но кто не знаетъ, что для развитія растенія въ цвѣтокъ и плодъ нужна извѣстная степень теплоты, свѣта и другихъ обстоятельствъ, для него случайныхъ. Вишгородъ не созреваетъ естественнo въ сѣверной Россіи, но созреваетъ искусственно. Есть мѣсна на земномъ шарѣ, въ кошорыхъ все растительное царство ограничивается только мхами, лишайми и другими низшими своими семействами;

оно не можетъ раскрыться въ нихъ блестящею произрастительностью проливовъ. Но не одинъ климатъ и зависящія оныя него обстановка прерастиваютъ флоръ явившая во всей красотѣ ея и разнообразіи. Мы встрѣчаемъ порослы и лишаи въ такихъ краяхъ, гдѣ растительное царство облеклось самыми совершеннѣйшими своими формами. Слѣдовательно внутренняя слабость иъкопорохъ существъ провинившая также дальнѣйшему ихъ развитію. И въ человѣчествѣ, какъ въ растительномъ царствѣ, есть свои мхи и порослы. Дикія племена, неспособные къ образованію люди, суть эти мхи природы человѣческой. Но природа человѣческая развивается, дѣлается совершеннѣйшею: и вопль почему бѣлый челоѣкъ завоевываетъ себѣ міръ, какъ мы сказали въ другомъ мѣстѣ.

Ускорить по своей воли эпоху человѣчества никто не въ состояніи. Самый сильный гений не можетъ вдругъ подвинуть далеко вѣка, въ которомъ живетъ оныя. Для гения, дѣйствующаго на родъ человѣчскій, можетъ быть только два случая: или дѣятельность его, какого бы рода она ни была, согласна съ понятіями его вѣка, или не согласна съ ними. Въ первомъ случаѣ успѣхи его будутъ конечно блестящельны; но не лзя ему одному принести снхъ успѣховъ;

онъ долженъ раздѣлить славу ихъ съ своими современниками: другими словами, не онъ, а вѣкъ его съ нимъ, можешь подвинуть человѣчество. Если же дѣйствія его не опвѣчаютъ понятіямъ его вѣка; то они останутся щепотными до шѣхъ поръ, пока господствующія понятія не будутъ совмѣстны съ ними (*). Такимъ образомъ, напр., сто лѣтъ прошло, прежде нежели *Вико* началъ оказывать свое вліяніе. Какую, напронивъ того, имѣла силу въ свое время односпонняя, и грубая философія *Локка*! Цѣлые народы, повидимому, могутъ случайно пересушить за границы своего вѣка. Таковъ былъ, кажешся намъ, *Кароагенъ*. Въ *Кароагенѣ* начинали развиваться многія спихи, которыя принадлежали собенвенно новымъ временамъ Европы. Но дѣлшелная и спенемашическая промышленность его, понятіе публичнаго кредита, дипломатія, (**) и пѣконорыя другія спихи народной

(*) Несправедливо пѣкоторые думаютъ, что всякій человекъ есть непременно предешавшешь своего вѣка. Конечно это бываетъ часшо, но не всегда.

(**) Сшо дипломатію враги *Кароагена*, справшіеся обезобразили всю его исторію, позорили словомъ *fides publica*.

образованности, были такъ не своевременны, что не могли подѣйствовать сильно на человечество, и сдѣлались пагубными для собственнаго его существованія. Карфагенъ казался своему времени чудовищемъ, которое должно было истребить, какъ можно скорѣе. *Delenda est Carthago!* Вошь слово, которымъ оглашался ежедневно сенатъ римскій. Не соперничество, а борьба стихій цивилизаціи Рима и Карфагена были, вѣроятно, истинною причиною гибели сего послѣдняго. Вообще, анахронизмъ какихъ бы ни было дѣйствій есть величайшее препятствіе успѣху ихъ.

Теперь приступимъ къ апріоріиному выводу эпохъ человечества вообще, и духа нынѣшняго времени въ особенности. *Фикште* будетъ нашимъ руководителемъ.

Человѣкъ, вызванный изъ вѣчности и безпредѣльности своей во время и пространство какъ существо природы, развивается внутреннею своею дѣятельностью, идею, подъ условіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Въ низшей степеніи его развитія сія дѣятельность должна происходить, какъ у животныхъ, безъ его сознанія, инстинктивно. Въ это время бытія его все его поступки не погрѣшительны, какъ инстинкты. Сіе непогрѣшительное состояніе челоѣка сослав-

даешь первую его эпоху. Воспоминаніе объ этомъ состояніи сохранено преданіями о зодомъ вѣкѣ.

Но инстинкты, какъ внутренняя дѣятельность, не познающая себя самой, слѣпы. Человѣкъ, въ развитіи своемъ, не могъ сохранить его. Во что онъ долженъ былъ превратить слѣпую инстинкты? Въ прозрѣніе, въ дѣятельность сознающую себя, въ разумъ. Ипакъ инстинкты долженъ былъ оставити человѣка, и уступить мѣсто свое разуму. Но управлявъ всѣмъ существомъ человѣка, онъ не могъ непосредственно изгнати самого себя. И однако долженъ былъ изгнати себя; иначе не возможно было бы развитіе человѣка. Для этого ему надобно было сдѣлаться самому для себя вышнимъ вліяніемъ. Здѣсь видимъ одну изъ причинъ, почему человѣкъ не могъ существовать въ природѣ одною особою, но долженъ былъ явиться людьми, человѣческимъ. Въ одной особѣ, инстинкты не могъ бы найдти въ себѣ вышняго вліянія: но въ людяхъ онъ нашель его. Инстинкты, сильно выразившіяся въ нѣкоторыхъ недѣлимыхъ родахъ человеческого, началь дѣйствовать, какъ вышнее вліяніе, на самого себя въ нѣхъ недѣлимыхъ, въ коихъ онъ выразился слабѣе. Такимъ образомъ, напримѣръ, инстинкты владычества, поко-

реніе одной власти (что необходимо было для человечества), началъ дѣйствовать, какъ принудительная сила, въ лицѣ первыхъ завоевателей. Сіи гордые завоеватели не были посланники гнѣва Божія, не были бичи рода человеческого, но избранные люди, высокіе дѣйствователями духа человеческого. Эпоха, когда инстинкты обращаются на самого себя, какъ высшее вліяніе, есть впрочемъ эпоха человечества. Она началась героическими временами исторіи, временами полубоговъ.

Третья эпоха есть та, когда высшеннѣйшій инстинктъ уступаетъ мѣсто свое разуму. Пробужденный разумъ начинаетъ, по свойству своему, искать истины. Но прежде нежели найдешь ее, онъ будетъ жертвою заблужденій всякаго рода. Это время грѣхотвореній.

Наконецъ разумъ, собственною силою, находитъ истину. Человѣкъ узнаетъ, что люди не чужды ему, что всѣ они суть онъ самъ, и онъ самъ принадлежитъ не себѣ лично, а человечеству. Онъ *понимаетъ* необходимость принесши себя на жертву сему человечеству, которое составляетъ собственную его сущность и дѣйствительность, какъ существа вѣчнаго; понимаетъ, что лично человѣкъ есть проходящъ, и не есть человѣкъ, а только земное его условіе. Что

прежде частно и безошчепно предспавлялось ему, шакъ сказашъ , пророчески, поэпическими шолько вдохновеніями , эстетическимъ чувствомъ ; въ шомъ вополнѣ убѣждается шеперь разумомъ. (*)
Эшо четвершая эпоха.

Иная эпоха будешъ шогда , когда человекъ сіе *познаніе себе* , сообразное съ Божественнымъ закономъ , научился приводить въ исполненіе ; когда эшо для него будешъ не шолько понимшо , но и легко.

Во всѣхъ сихъ великихъ , необходимыхъ эпохахъ мы видимъ , что орудіемъ судьбы человеческой служилъ или инспиникъ , или разумъ. Поэшому инспиникъ или разумъ должны были безошлучны онъ человека, во всѣхъ его состояніяхъ, во всѣхъ его дѣйствіяхъ. Въ самой вещи органи-

(*) Между правилами *Конфуція* находимъ слѣдующее правило: „любовь къ ближнему естъ ша постоянная „и обдуманная благорасположенность , которая „*приноситъ насъ на жертву* роду человеческому, „какъ будшо бы онъ соснавлилъ съ нами одно существо , и которое дѣлаешъ насъ соучастниками его несчастій и благополучію.“ Сія мысль принадлежитъ къ числу шѣхъ великихъ истинъ , которыя открываются уму человеческому, во всѣхъ народахъ , какъ пророчество будущаго совершенства и участи человечества.

ческій его возрастъ , степень дарованій , образъ правленія , все имѣетъ на него вліяніе или какъ инстинктъ , или какъ разумъ. Инстинктъ и разумъ должны вести , и ведутъ , человѣчество къ одной и той же цѣли , къ проявленію , сколько можно полнѣе , существа человѣческаго , чрезъ постепенное развитіе. Въ этомъ отношеніи они оба совершенно одинаковы; но различны въ томъ , что , подъ вліяніемъ инстинкта , человѣчество приближается къ своей цѣли слѣпо , безъ сознанія , а подъ вліяніемъ разума оно видитъ цѣль , къ которой стремится , и даетъ отчетъ себѣ въ собственныхъ своихъ поступкахъ.

Въ первыхъ двухъ эпохахъ человѣчество должно было находиться подъ вліяніемъ инстинкта. Сія эпоха прошла уже ; ибо теперь царствуетъ разумъ. Разумъ , мы это видимъ , подвергается свободно своему изслѣдованію все что относится до человѣка. Инакъ мы живемъ въ которойнибудь изъ трехъ послѣднихъ эпохъ. Въ которой? Не въ четвертой и не въ пятой : ибо тогда во всемъ человѣкъ увидитъ истину ; а теперь онъ окруженъ заблужденіями. Слѣдовательно нашъ вѣкъ принадлежитъ къ шестой эпохѣ.

Въ шестой эпохѣ пробуждается въ человечествѣ собственно разумъ. Сущность разума , которою онъ отличаетъ отъ инстинкта , есть

понятіе. Ипакъ въ прешней эпохѣ должно господствовашъ *поняшіе*. *Понятіе* естъ печать всего принадлежащаго къ сей эпохѣ. Оно составляеть отличительный ся характеръ. Люди должны стреминься возвыснть всѣхъ до *понятія*.

Понятіе оѳружася науками, разыскашельносною, ученоснью, липперапурою. Но вся сія дѣятельноснть ума должна, въ прешней эпохѣ, пройднть еѳвощъ шьму заблужденій, и испншатъ ихъ еѳдснвія. Ошсюда неизбѣжнмы: системы, разногласія, паршіи, перемѣны, и ш. д. Время грѣхонвореній въ умственномъ и нравственномъ смыслѣ!

Разумъ, котораго ещность естъ *понятіе*, долженъ опшвергнушь, и опшвергаешъ, все непоняшное, нессшеснвенное, ш. е. все чему онъ не находитъ причнны. Ипакъ должны исчезнушь въ эту эпоху всѣ химеры, всѣ оболещенія или обманы воображенія; спраснть къ чудесному разочаруешя, и потеряешъ свою силу; предразсудки, которые родилась и воспитывались невѣжеснвомъ, погнбнштъ. Но прежде нежели все это совершнтся, сколько произойдетъ золь опъ заблужденій! разумъ, въ необдуманной ревности своей, будетъ искашъ испребленія не только шого, чего поняшть не лзя; но и шого, чего онъ съ перваго раза не достигаетъ. Такимъ образомъ самыя свяшыя

испины поколеблются ошь той самой способности души, которая призвана признашь и утвердишь их. Не могли достигнуть до высоты сихъ великихъ истинъ, разумъ отвергнетъ и ихъ, какъ мечту большого воображенія; но скоро, почувствовавъ ужасную пустоту въ существованіи челоуѣка, онь увидишь свое заблужденіе, и возвратишия съ благоговѣніемъ къ тому, пропавъ чего вооружался. Вольнодумство, котораго явленіе основывается на одномъ изъ неизбежныхъ заблужденій претней эпохи, уже разсѣялось. Нашъ вѣкъ возвратишия къ Религій. Самый Сей-Симонизмъ, который такъ ярко характеризуетъ и влеченіе и заблуждаемость нашей эпохи, доказываетъ потребность Религій въ нашемъ поколѣніи.

Разумъ, котораго сущность есть *понятіе*, почищаетъ обязанностью своею сомнѣваться во всемъ томъ, что не имѣетъ для него полной достоверности. Источникъ же достоверности находится для него въ *опытѣ*. Поэтому *опытъ* становится великимъ посредникомъ для разума и указателемъ для того времени, въ которомъ царствуетъ разумъ. *Разумъ* и *опытъ* — вопъ мудрости претней эпохи. — Уваженіе къ опыту произвело между прочимъ стремленіе нынѣшняго времени къ наукамъ *историческимъ*.

Самый непосредственный опытъ для разума человеческого есть самъ человекъ, и прежде всего личныя нужды человека. Отсюда дѣятельность разума непосредственно обращается на эгоизмъ, и въ эгоизмъ находятъ величайшую доспѣвательность. Поэтому эгоизмъ долженъ выразиться и въ частныхъ лицахъ, и въ семействахъ, и въ сословіяхъ, и въ государствахъ, вообще во всякомъ сосредоточеніи человеческихъ силъ и дѣйствій. Эгоизмъ прежде всего, все послѣ эгоизма — вещь правило претрѣй эпохи. Не трудно понять, какъ это правило легко можешь привести къ пороку. Оно составляетъ въ претрѣй эпохѣ самую величайшую опасность для нравственности. Но сія опасность исчезаетъ сама собою, какъ скоро человекъ пойметъ, что весь родъ человеческій ему принадлежитъ, и онъ самъ принадлежитъ роду человеческому, что, словомъ, онъ и родъ человеческій составляетъ существенно одно цѣлое. Тогда эгоизмъ превратится въ самоопроверженіе, и расчеты разума будутъ въ совершенномъ согласіи съ самыми высокими требованіями нравственности.

Эгоизмъ пребудетъ прежде всего удовлетворенія плѣсныхъ нуждъ. Оттого претрѣя эпоха, эпоха эгоизма, обратитъ все усилія разума въ пользу физическаго благосостоянія человека. От-

сюда успѣхи промышленности , сила торговли, и т. д. Мы видѣли уже (спр. 19) , что сѣи , видимо , грубыя требованія эгоизма необходимы для улучшенія человѣческаго состоянія. Премудрость Творческихъ законовъ такова, что она ведетъ человѣка къ совершенству такими средствами, которыя, съ перваго взгляда, не имѣють этого назначенія , или даже противятся ему.

Таковы должны быть , и таковы суть дѣйствительно , главныя черты пренесенной эпохи , въ которой живемъ мы, и которую можно характеризовать словомъ *положительная*.

Литература , какъ непосредственная нужда *понятія* , составляетъ теперь одинъ изъ важнейшихъ предметовъ дѣятельности человѣческой. Другой важный предметъ дѣятельности человѣческой состоитъ въ приобрѣтеніи физическаго благосостоянія.

Для приобрѣтенія физическаго благосостоянія нашъ вѣкъ употребляетъ три главныя средства: 1) усиленіе промышленности машинами, 2) сообщеніе съ разными краями свѣта и народами , 3) утверженіе обязанностей и правъ каждаго члена общества. Я упоминаю только о тѣхъ средствахъ физическаго благосостоянія , которыя имѣють наиблизайшее отношеніе къ наукамъ ; потому не говорю здѣсь ни о сообще-

спвахъ (компаніяхъ), ни о раздѣленіи работъ (division du travail), ни о другихъ подобныхъ средствахъ, которыми, въ наше время, гражданственный человѣкъ получилъ возможность умножать чрезвычайно предметы богатства, и которыя, относясь болѣе къ цивилизаціи вообще, нежели собственно къ наукамъ, выходятъ изъ круга перешагнутого нашего предмета разысканія.

1. *Усиленіе промышленности машинами.*

»Промышленность, говоритъ одинъ славный публицистъ нашего времени, есть главная, можетъ быть, единственная мысль нашего вѣка. »Мирлолюбивая, независимая, возстановительница достоинства человѣческаго въ шомъ смыслѣ, »чѣмъ замѣняетъ скрытое нищенствованіе, уничтожающее равно, и шого кшо дашь, и шого кшо просить, шрудомъ, который ославляетъ сіе »достоинство неприкосновеннымъ, промышленность означаетъ новую эру.« Но безъ машинъ промышленность была бы ничтожна, по крайней мѣрѣ слишкомъ малозначуща. Ошного шакое чрезмѣрное появленіе машинъ всякаго рода въ нынѣшнее время. Вездѣ ремесленники изгоняются изъ мастерскихъ своихъ работниками неодушевленными, сильнѣйшими, поснѣшнѣйшими, искуснѣйшими. Въ Англіи, гдѣ промышленность достигла до высокой степени совершенства, сіи

производили народнаго богатства, созданные не природою, а рукою человеческою, из куска дерева или металла, составляютъ какъ бы особенный, ужасный для прочихъ націй, родъ народонаселенія, безъ котораго Англія превратилась бы въ небольшой европейскій островъ. Нужны ли доказательства силы машинъ? Приведемъ одно. Вычислено, что посредствомъ машинъ, двѣсти рукъ вырабатываютъ, въ наши времена, столько хлопчато-бумажныхъ тканей, сколько могли бы ихъ выработать, полѣка тому назадъ, безъ машинъ, двадцать милліоновъ рукъ. Такой выводъ убѣдительно всякаго краснорѣчія. Нужно ли показывать искусство машинъ? Вспомнимъ о паровой машинѣ, для которой (какъ замѣчено въ собраніи, бывшемъ въ Лондонѣ, по поводу сооруженія памятника *Уатту*, усовершенствователью сей удивительной машины) нѣтъ ничего ни слишкомъ великаго, ни слишкомъ малаго; которая, какъ слоновій хоботъ, можетъ вырывать съ корнемъ дубъ, и поднять съ земли булавку, — съ одинакою легкостью сковать тяжелейшій якорь, и пропкнуть скважину въ иглѣ, — скрутить самый толстый канатъ, и выпрямить нантончайшую нитку. Конечно не все машины представляютъ столь необъятную силу и искусство; но вообще дѣйствіе ихъ почти чудесно. Онѣ

спали необходимостью; и весьма рѣзко характеризуютъ нашу эпоху.

2. *Сообщеніе съ разными краями свѣта и народами.* Природа не соединила въ одномъ мѣстѣ всѣхъ своихъ богатствъ; напротивъ того, разсыпала разные богатства по разнымъ мѣстамъ. Сии богатства испекаются первоначально изъ двухъ источниковъ: способностей земныхъ и способностей человѣческихъ. И шѣ и другія способности разнообразны до безконечности; каждый человекъ и каждый пунктъ земли опличаются своимъ особеннымъ родомъ способностей. Хотѣли ли ими воспользоваться? Для сего надобно имѣть съ ними сообщеніе. Отсюда необходимость, для пріобрѣтенія богатства, въ безчисленныхъ и такъ сказать, безмѣрныхъ, сношеніяхъ между народами и краями земли. Недоступность сообщенія можетъ поселить варварство тамъ, гдѣ должно бы, по всѣмъ другимъ обстоятельствамъ, царствовать просвѣщеніе. Какая область Греціи не ознамила ни одного лининературнаго памятника, была почти безъ искусствъ и цивилизаціи? Не знали ли, коимъ образомъ законодатель запретилъ принимать иностранцевъ, или имѣть съ ними сообщеніе? Читайте жизнь *Ликурга* у *Плутарха*. Обширность сообщеній есть одна изъ причинъ, почему Англія шла впереди всѣхъ прочихъ про-

свѣщенныхъ народовъ : преимущество , къ которому природа повидимому ее не назначила. Природа не дала ей ни такой блистательности дарованій , какую видимъ во Франціи , ни такого глубокомыслія , которымъ отличаетъ Германия. Но Англія скорѣе и дѣятельнѣе употребила средства , которыми приобретается физическое благосостояніе , въ томъ числѣ средства сообщенія (*). Теперь духъ сообщеній и путешествій распространяется болѣе и болѣе между народами. Правительства и частные люди равно одушевлены симъ духомъ , споль благопріятствующимъ развитію богатства народнаго. Если какое государство призвано благопріятствующею судьбою къ обширнымъ сообщеніямъ , то это Россія ; она начинается отъ полюса и простирается далеко въ старомъ и новомъ Свѣтѣ , занимая почти шестую часть земного шара. Время покажетъ , гдѣ она окончится. Средства , которыми она владеетъ , велики ; но какъ она

(*) Доказательствомъ страсти Англичанъ къ путешествіямъ , одному изъ дѣятельнѣйшихъ средствъ сообщенія , можетъ служить , между прочимъ , основаніе , въ 1822 , въ Ливерпулѣ *Общества путешественниковъ* (Society of Travellers). Сіе общество соспоспѣдствовало единственно изъ путешествовавшихъ съ цѣлію собственнаго наученія.

ими воспользуешься, эго будешь зависѣть отъ нея самой, а не отъ природы или счастья.

3. *Утвержденіе обязанностей и правъ каждаго члена общества.* Необходимость, польза и удовольствіе пребываютъ отъ челоука (такъ какъ и отъ всякаго другаго существа, сообразно съ удѣльными его силами), что бы онъ употреблялъ природу, сколько можешь, для себя собственно. Пока челоукъ находится въ непросвѣщенномъ состояніи, онъ не много употребляетъ природы; попомучно мало имѣетъ надъ нею силы: но съ успѣхами просвѣщенія сія сила болѣе и болѣе возрастаетъ; ибо *просвѣщеніе открываетъ средства управлять природою* (*): и наконецъ природа начинаетъ служить ему почти всеми своими произведеніями. Умѣешь употребить все произведенія природы въ свою пользу, или физическую, или умственную, или нравственную, есть идеальная цель просвѣщенія.

Но челоукъ родился не одинъ; онъ повсюду окруженъ себѣ подобными, которые имѣютъ такія же пребыванія на природу, какъ и онъ самъ.

(*) Объ эгомъ мы говоримъ подробнѣе въ другомъ мѣстѣ. См. *Моск. Телегр.* часть XXXIV (1850, N 15) стр. 289 и слѣд.

Отсюда, по необходимости, должно происходить естественное волею человеческих, их взаимное спасение, их бездействие, если они не уловятся поступать все единодушно. Иная человеку не только надобно учиться *управлять природою*, но и *управляться с подобными себе*. Средство управляться с подобными себе составляет поему особенную часть просвещения, которая известна под именем *гражданственности, гражданского просвещения*. Идеальная цель гражданского просвещения есть возможность пользоваться плодами просвещения вообще не только *без всякого претяжения со стороны ближнего*, но и *с его помощью*. Средство для достижения этой цели есть определение и утверждение прав и обязанностей каждого члена общества. Эти права и обязанности делятся на две сложнейшие, чем больше начинаешь человек пользоваться природою. Таков вывод а priori; факты а posteriori совершенно доказывают справедливость этого теоретического вывода. Распространение знаний о правах и обязанностях гражданского человека составлялось одною из характернейших черт, и необходимостей нашего времени.

Кажется, что мы разобрали достаточно, для нашего предмета, вопрос о духе выш-

ниго времени. Сей духъ, какъ мы старались доказать, ищеть *физическаго благосостоянія*, употребляя для сего: 1) *усиленіе промышленности машинами*; 2) *сообщеніе съ разными краями свѣта и народами*; 3) *утвержденіе обязанностей и правъ каждаго члена общества.*

Теперь не трудно опредѣлить: какихъ наукъ истребуешь особенно нынѣшній духъ времени, и увидѣшь, соотвѣтствуетъ ли употребляемая система дѣйскаго ученія сему требованію.

1 е. Для усиленія промышленности машинами, нынѣшній вѣкъ истребуешь особенно *наукъ математическихъ и физическихъ.*

2 е. Для сообщенія съ разными краями свѣта и народами, онъ истребуешь особенно *знанія живыхъ языковъ.*

3 е. Для утвержденія обязанностей и правъ каждаго члена общества, онъ истребуешь особенно *свѣдѣній политическихъ, гражданскихъ.*

Остановимся нѣсколько на сихъ пунктахъ.

1 в. Для усиленія промышленности машинами нужны, по нынѣшнему вѣку, сказали мы, науки физическія и математическія. Сподишь только взглянуть на теперешнее состояніе липперауры, что бы увѣришься, какъ дѣятельно старающа въ наше время удовлетворить сей нуж-

дѣ промышленности. Меттафизика и подобныя науки, число умозрительныя, приходящъ въ упадокъ. Французы первые опснали опъ нихъ. Много ли было философовъ во Франціи послѣ *Декарта* и *Мальбрайша*? Не спанемъ обманывашься наружностью, и не сочтемъ недавняго появленія во Франціи нѣсколькихъ сочиненій въ философскомъ родѣ за возраждающееся расположеніе Французовъ къ философіи. Какія это сочиненія? Мы сказали уже *сочиненія въ философскомъ родѣ*, ни мало не философія, не меттафизика собственно. Чтѣ сдѣлали до сихъ поръ: *Эдгаръ Кинне*, *Мишле*, и самъ *Кузей*? Внесли испорію, и опчасни полиптику, любимые предметы пылѣншей линниераптуры, въ область философіи. *Лерминье* освѣщаетъ философіею право. Историческія, юридическія и политическія примѣненія философіи, сдѣланныя блистательными палаишами, заманивають Французовъ и къ самой философіи: но это обольщеніе; и оно, вѣроятно, оспанешся безъ примѣчательнаго успѣха. Нѣкоторые Французскіе переводчики и сочинители, и даже *Кузей*, подумали напрасно, что философія, въ числомъ ея видѣ, понравится ихъ соотечественникамъ. *Прокль Кузена* уже давно обременяетъ магазины книгопродавцевъ, и продается за безцѣнокъ, не смопря на народность переводчика. Вѣроятно, та же участь ожидаетъ

Кузенова Декарта и самого божественнаго *Платона*, хопя *Декартъ* и *Платонъ*, по разнымъ обшояпельствамъ, не относящимся собственно до философіи, могутъ болѣе *Прокла* привлекать на себя вниманіе лишпѣрапурной публики. Какое произвели вліяніе, и кому извѣстны, философскія усилія ученаго *Тюрбъ*? Недавно, скажутъ, явилась во французской лишпѣрашурѣ философія *Канта*. Но не была ли она также издана по-французски, прирцпанъ лѣтъ штому назадъ, *Виллерсомъ*? По-дождшине лѣтъ прирцпанъ, можетъ быть и еще разъ покажется *Кантова* философія на французскомъ языкѣ; и новый какой нибудь *Брюне* подшщепъ, въ своей библіографіи, подъ эшпимъ швореніемъ, замѣчаніе, какъ *Брюне* 1821 года подписалъ подъ книгою *Виллера*: ouvrage très-obscure; вопъ и все. Необыкновенность имѣеть свойство возбужданъ любоншщепство. Опъ любоншщепства до любви далеко. Меташфизика еспъ вещь необыкновенная для Французовъ.

Въ Англій, по признанію самихъ Англичанъ, меташфизика, послѣ слабаго дѣшщепства, которое никогда не могло достигнуть зрѣлаго возраста, вдругъ остановилась, и погибла, съ профессоромъ *Стуартомъ* (Dugald Stewart), послѣднимъ ея вошщщывашщеплемъ.

Одна Германія, опечеспво мысли, по выраженію Г-жи *Сталь*, рѣшительно занимается психологією. Но любовь къ метафизическимъ умозрѣніямъ не соспавляетъ ли одну изъ причинъ, почему Германцы, не смотря на ихъ дарованія, обширность просвѣщенія и неутомимое трудолюбіе, столь слабое имѣють вліяніе на міръ политическій, сравнительно съ Англичанами и Французами. *Ансиллоу* разбирая, въ одномъ изъ своихъ разсужденій, критическую философію *Канта*, трансцендентальную *Фихте* и натуральную *Шеллинга*, наконецъ увлекается нѣкоторымъ родомъ энтузіасма къ глубокомыслию Германцевъ, и въ самой похвалѣ ей, заключаетъ выраженіе, остроумное и справедливое, которое весьма разочаровываетъ на счетъ метафизическихъ созерцаній. » Народъ, говоритъ онъ, отечунающійся, » сколько возможно, отъ міра вишняго, и котораго избранные мыслители, дѣйствіемъ своей » свободы, опускаются въ подземные своды души, » погружаются въ самихъ себя, болѣе заслуживъ, » чѣмъ пріобрѣтеть, удивленіе: онъ предастся не » столько движенію дѣятельной жизни, сколько » движенію мысли; введенная сдѣлается его принадлежностію, но міръ иногда будетъ для него потерянъ, пошому что онъ самъ османенся

»слишкомъ покоенъ и слишкомъ занятъ глубиною
»своего существованія.«

Замѣтимъ, что нѣкоторыя философскія разсужденія, какъ предвѣстники четвертой эпохи человечества, могутъ появляться въ разныхъ краяхъ земли отъ времени до времени, но они не характеризуютъ своей эпохи.

Собственно словесные предметы выходятъ, не менѣ философскихъ, изъ употребленія. Вотъ почему люди съ отличными дарованіями, какъ *Шлегель*, *Вильмей*, ищутъ въ словесности не одного только синтаксиса, орапорскаго числа, мѣры, или того, что бы одѣть память свою отрывками изъ поэтовъ и прозаиковъ, на подобіе разноцвѣтной спанчи *Диогеновой*; но стараются соединить ее съ познаніями людей, нравовъ, законовъ, и объяснить сіи предметы взаимно одни другими. Вообще все начинаютъ признавать, что пора оставить школу словъ и вступить въ школу вещей. Такъ называемое *классическое ученіе* приходитъ теперь въ упадокъ въ образованнѣйшихъ частяхъ Европы. Классическое ученіе слишкомъ отвлекаетъ человѣка отъ міра дѣйствительнаго, погружая его въ міръ неопредѣленной, мечтательной мысли. Сія неопредѣленность, мечтательность мысли свойственна юности человѣчества, какъ и юности человѣка; она выражается

душу точно такъ, какъ игривая фанпазія дѣтскаго возраста, о которой мы говорили выше, упражняетъ душу ребенка, и приготавливаетъ ее къ дальнѣйшему развитію. Но возрастъ юности прошелъ для человѣчества; оно вступаешь уже въ возрастъ зрѣлости; и классическое ученіе, вмѣстѣ съ міромъ среднихъ вѣковъ, должно исчезнуть съ лица земли, какъ орудіе устарѣлое, неприличное нашему вѣку. Время, когда сіе орудіе было необходимо для успѣховъ рода человѣческаго, прошло безвозвратно.

Положительный духъ нашего вѣка не позволяетъ заниматься много и обольщеніями спиритизма. Разсудокъ говоритъ нынѣшней молодости, будущей надеждѣ, какъ Янгъ - Фангъ (Ju - Kiao - Li; roman chinois, publié par Abel - Rémusat) своему сыну: »Поэзія есть высокое искусство, которое заслуживаетъ всякое уваженіе просвѣщенныхъ людей; но она не рѣдко бываетъ большимъ препятствіемъ для нашихъ успѣховъ въ свѣтѣ. Кто уже показалъ себя за слугами, и утвердилъ свою извѣстность на прочномъ основаніи, тотъ пускай забавляется: но люди въ молодыхъ лѣтахъ, какъ нынѣ, должны предаваться важнѣйшимъ занятіямъ. Притомъ не мало, что молодые люди, съ оплеченнымъ палангомъ, въ самой вещи ни къ чему

»не способны. Это болѣзнь, отъ которой тебѣ
 »весьма надобно предохранить себя.« Подлинно,
 сѣсны городовъ не сооружаются уже нынѣ отъ
 звуковъ лиры, какъ сѣсны еивскія; и основа-
 тельная проза гораздо нужнѣе въ жизни, чѣмъ
 самые сладкозвучные стихи.

Не смѣшаемъ однако влеченія къ поэзіи съ
 спраспью въ стихамъ. Между ими такое же
 различіе, какъ между истиннымъ и ложнымъ про-
 рочествомъ. Поэзія есть какъ бы естественное
 пророчество. Войдемъ въ сущность ея.

Не только весь родъ человѣческой имѣетъ
 одно общее единство, но сокровенная, внутрен-
 няя связь находится между самою природою и
 человѣкомъ. Совершенство есть не одно чело-
 вѣчество, но въ челоѣчествѣ продолжается совер-
 шенствоваться и самая природа. Законъ разви-
 тія потому и всеобщъ, что онъ совершается
 собственно въ одномъ цѣломъ. Недѣлимые суть
 только явленія, условія пребыванія чего бы то
 ни было въ здѣшнемъ, ограниченномъ мірѣ. За
 симъ міромъ, гдѣ законы существованія уже дру-
 гіе, недѣлимые погружаются въ недѣлимое. Раз-
 витіе, видимое въ сей природѣ, есть форма су-
 ществованія здѣсь на землѣ всего во всѣхъ; ибо
 единство и безконечность существъ только и
 можетъ являться здѣсь подъ видомъ непрерыв-

наго развитія. Такимъ образомъ геологія показываетъ, согласно съ Священнымъ Писаніемъ, что планета наша имѣла сперва самый простѣйшій видъ; попомъ, съ теченіемъ времени, получала болѣе и болѣе совершеннѣйшее усироеніе, и. е. развивалась. Сначала не было на ней никакихъ органическихъ существъ; она вся была минеральная: попомъ появилось на ней органическое царство въ самыхъ несовершенныхъ еще его формахъ: мало по малу она развивалась въ органическомъ своемъ царствѣ формами постепенно совершеннѣйшими, послѣ зоофітовъ и моллюсковъ рыбами, послѣ рыбъ ишницами, послѣ ишницъ четвероногими, послѣ четвероногихъ самымъ человекомъ, который теперь развивается съ духовной стороны.

Поспигать это родство природы съ человекомъ можно или разумомъ, или безопчешнымъ чувствомъ. Чувствованіе себя въ природѣ, или природу въ себя, значить наслаждаться необыкновенною обширностью или глубиною существованія; ибо ощущеніе личной жизни сливается тогда съ ощущеніемъ жизни всеобщей. Сіе темное, безопчешное, и безпредѣльное ощущеніе есть *эстетическое чувство*.

Эстетическое чувство старается излиться изъ души, которая онымъ наполнена, или звука-